

18+

Сабина Аюжан

Падая вставать или лежащая балерина

Сабина Аюжан

**Падая вставать или
лежащая балерина**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67855575
ISBN 9785005672308*

Аннотация

Главная тема: любовь во всех ее проявлениях. Героиня романа – женщина с непростой судьбой. Бурные события вовлекают её в борьбу за выживание, за место под солнцем. Где любовь – там и измены, где деньги – там и обман, предательство. Добро и зло, горе и радость уживаются рядом. Исторические события и современное, реальное и вымысел, середина столетия и начало плавно переливаются одно в другое, судьбы перекликаются, раскрывая характеры персонажей, придавая особый динамизм содержанию романа.

Содержание

Часть первая:	5
Часть вторая:	85
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Падая вставать или лежачая балерина

Сабина Аюжан

Моим внукам посвящается

© Сабина Аюжан, 2022

ISBN 978-5-0056-7230-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

#

#

#

#

#

#

#

Выражаю благодарность Марии Райдер, она литературный редактор, выпускающий редактор со стажем более 20 лет, руководитель отдела обучения школы Get PublishED, оказавшей большую помощь в подготовке и издании данной книги.

Часть первая: Воспоминания

В небольшом уютном кабинете, стены которого обиты деревом, за рабочим столом в кожаном кресле сидит женщина. В кабинете нет ничего лишнего, что мешало бы работе: здесь находятся рабочий стол с приставкой для посетителей, внушительный сейф, четыре стула, небольшой шкаф для верхней одежды. На рабочем столе справа от хозяйки кабинета примостился черный компьютер «Навигатор», или, как его называли, «комбайн от японцев», самая навороченная всевозможными функциями новая техника – здесь и телефон, который настроен на моментальное соединение с филиалами ее компании, расположенными в разных городах, и опция «секретарь», способная в авторежиме разбудить, напомнить, соединить, пригласить и многое другое. Некоторые возможности компьютера еще не были установлены, потому что инструкции на русском языке нет (скорее техника была контрабандная, ее привезли из Ленинграда в ограниченном количестве), изучить восемь томов описаний на японском и английском языках, разобраться в них досконально её специалистам было сложно, да и квалификации им не хватало.

Женщина читает газету «Доживем до понедельника» – это одно из последних изданий нового времени. На ней строгий

черный костюм, ее отрешенный грустный взгляд направлен внутрь себя, должно быть, в свое прошлое. Дочитав статью, женщина откладывает газету. Статья о ней, о Сабине, о ее успехах и достижениях в сфере финансов и строительстве, о недавней поездке в Лондон на международную конференцию, куда наравне с американскими и европейскими участниками были приглашены успешные представители бизнеса из «новых» с постсоветского пространства. Написано также, что она счастлива, богата и любима. Однако при пристальном взгляде на нее мы видим печаль в глазах, а темные круги под глазами извещают о пережитых невосполнимых утратах в личной жизни.

Нелегко достался ей этот успех в бизнесе. Когда-то скромная, немногословная девочка теперь превратилась в успешную даму, знакомство с которой многие бизнесмены считали за честь. Родственники со всех сторон искали возможности пристроить к ней на работу своих несостоявшихся деток. Их можно было понять: после развала Союза далеко не все смогли адаптироваться.

Ныне времена наступили лихие, происходили непонятные для многих советских граждан события и перемены. Та размеренная, неспешная, распланированная сверху донизу жизнь ушла в прошлое, все стали свободными, но многие не знали, как распорядиться этой самой свободой. Самое главное – нужно было находить способы заработать на жизнь.

Сабина за три с небольшим года смогла поднять свой сначала малый, затем укрупнившийся бизнес. Все было не как в сказке – по щучьему велению: вся ее жизнь была периодом подготовки к действию, только ее жизненный опыт и знания помогли ей подняться на эту высоту. Но точила изнутри одна печаль – это болезнь младшего сына, Жана. Сабина мечтала разбогатеть и вывезти сына в лучшую клинику за рубежом, чтобы его вылечить. Однако мечта ее не осуществилась: два года назад сын скоропостижно скончался, ему было всего двадцать три года. Он женился за два с половиной года до смерти, его сыночку десять дней назад исполнилось два.

...В тот роковой день с утра все было не так. Очень рано в ее дверь позвонил участковый милиционер. Он сообщил, что машина Сабины три дня назад совершила наезд в Чиликском районе, это в ста километрах от Алма-Аты. Сабина была в шоке. «А человек жив?» – спросила она. «При чем здесь человек, сбита корова насмерть», – сообщил милиционер. У Сабины отлегло от сердца – хоть не человек. Только остался осадок от того, что водитель соврал ей: он сказал, что зацепил забор дома, откуда внезапно выбежал ребенок, поэтому передняя стойка машины погнулась и разбилось лобовое стекло. Подписав акт происшествия, милиционер выписал штраф за ДТП, а также квитанцию на оплату стоимости коровы для возмещения ущерба ее владельцу и ушел.

Это событие, в особенности обман водителя, сильно огор-

чило Сабину. Она всегда старалась выбирать сотрудников в свою компанию в основном по моральным качествам, считала, что пополнить недостаток знаний можно, а взрослого человека за короткий срок не перевоспитать. Ее должны были окружать честные, порядочные люди, преданные общим целям, идее компании, только в сплоченном коллективе дело будет спориться.

Тогда же у другого водителя был день рождения. Его мама и сестра ждали Сабину и двоих сотрудников ее компании на праздничный обед в доме у его матери. Во время застолья Сабине стало плохо: что-то сжималось у нее внутри в области сердца. Извинившись перед хозяйкой, она поехала домой: вечером планировалась поездка в район к клиенту с контрольной миссией по совместному проекту.

Дома невестка дала ей таблетку валидола, и Сабина решила до поездки отдохнуть. Уснуть не удалось – внутри щемило. Времени было около семнадцати часов. Раздался телефонный звонок. Он снова встревожил Сабину, она прислушалась к разговору невестки со звонившим. Она слышала короткие ответы и вопросы невестки: «Где? Когда?» – и тревога в ее голосе. Сабина сжалась, поднялась на ноги: у нее сомнений не было – что-то случилось с сыном... В спальню вместе с невесткой вошел заместитель Сабины по работе, он же ее гражданский муж, как она выражалась, бизнес-муж. Он начал сбивчиво говорить, что звонил друг сына, сыну стало плохо, он находится у друга, сейчас сам поедет и привезет

его и чтобы она не волновалась...

Но Сабина уже рухнула на кровать, она поняла, что все закончилось: нет ее сына — единственной радости в ее жизни.

Дальше все было как в тумане. Дни шли за днями, но она ничего не помнила. Люди, поток людей с соболезнаваниями, плач и слезы. Среди этого кошмара глаза Сабины встретились с глазами двухлетнего малыша, оставшегося после ее сына. Его глаза выражали страх, растерянность, его испугал плач незнакомой толпы, приехавшей из разных городов и сел, родственников и чужих, друзей и просто любопытных, пришедших поглазеть на горе других. У казахов издревле принято входить в дом, где находится усопший родственник с плачем в голос с причитаниями, многие просто подают голос, изображая плач. Сабина вернулась из небытия, приподнялась и прижала к себе ребенка. Она гладила его по голове, целовала, обнимала и дала клятву, что с этой минуты всегда роль папы в жизни малыша будет исполнять Сабина, его ажека (что в переводе с казахского на русский означает бабуля), так называл ее внук, он не будет сиротой. Эта клятва дала силы самой Сабине: оказалось, у нее в этой жизни еще не все потеряно, остался от любимого сына внучок, которому она необходима.

Пока она была в забытии между жизнью и смертью, прошли похороны, семь дней тоже уже провели. Гости все разъехались, дома остались лишь свои близкие и некоторые ее сотрудники. Боль в ее груди так и не прошла, она будет сад-

нить еще долгие-долгие годы, породнившись с непроходящей тоской.

...Сегодня было воскресенье, в офисе почти никого не было. Сидя в тиши кабинета, Сабина окунулась в воспоминаниях в свое далекое прошлое. Родилась она полвека назад в дружной семье, где были папа, мама, два брата и сестра. Была у них еще бабушка, мама отца. Сабине было шесть лет, когда бабушка заболела и слегла. Двумя годами раньше непоседа Сабина вместе с мальчишками карабкалась на довольно высокие деревья, которые росли в ее дворе. Пацаны привязывали толстые веревки на большие ветки и качались на них, спрыгивая подальше от дерева, или старались достать до другого, которое росло рядом, и, как Тарзан (недавно в клубе показывали фильм про него), перелезть с одного на второе. Сержан, дальний родственник, двумя годами старше Сабины, всегда старался опекать ее и часто хвастался перед ней своими «подвигами», показывая свою отвагу. А тут он решил подхватить ее, как в фильме Тарзан подхватывает Джейн. Он сильно раскачался на веревке, на лету ухватил за руки Сабину. Они пролетели довольно высоко, девочка визжала то ли от страха, то ли от восторга, но Сержан не сумел ее удержать. Сабина упала с приличной высоты, согнувшись надвое. Раздался резкий вскрик, и наступила тишина. Из дома выскочили взрослые. Девочка была вся бледная, без сознания. Все подумали, что она умирает.

Сабина выжила, однако перелом нескольких позвонков оставил след на всю ее оставшуюся жизнь. Долгие месяцы мама не отходила от дочки, боли иногда были невыносимыми, казалось, что девочка ощущала каждый шаг тех, кто ходил по комнате, эти шаги причиняли ей острую боль. В поселке был только родильный дом, поэтому девочку лечили знахари. Болезненность они снимали ртутью, которую смешивали с какими-то маслами, растирая до черного цвета, чтобы получилась мазь. Временами состояние девочки улучшалось, боль отступала, Сабина снова играла с пацанами, снова падала, снова лежала и снова поднималась. Когда Сабине было уже лучше, на маму свалилась новая забота – бабушку парализовало.

Однажды ночью бабушка каким-то образом сползла с постели на пол, в темноте шарила руками, искала что-то под своей кроватью. Сабина тоже проснулась. Родители соскочили с кровати и подошли к бабушке, которая старалась забраться подальше под кровать, но это ей не удавалось.

– Мать, что вы делаете? – спросил Ильяс, отец Сабины.

Бабушка ответила, что ей святой Пайгамбар дал таблетку для Сабины, если внучка съест ее, кости срастутся, и она будет здоровой. Но бабушка случайно обронила таблетку, надо обязательно найти ее. Бабушка Куляй не хотела подниматься с пола, но сын ее не слушал, поднял на руки и бережно вернул в постель. После этого случая бабушка прожила недолго, на семидесятом году жизни в солнечное утро 8 мар-

та 1950 года тихо скончалась.

На долю Куляй выпала тяжелая доля. Родители выдали ее замуж в пятнадцать лет за взрослого мужчину, который был на семнадцать лет ее старше, она родила от него пятерых сыновей. Муж всю жизнь батрачил у богатого родственника, жили бедно. Он умер, когда ей было сорок четыре года, младший сын только родился. Сыновей приходилось поднимать самой.

Одно утешение, что старший сын Ильяс в Алма-Ате окончил школу, затем еще продолжал обучаться профессии учителя. В дальнейшем он стал опорой всей семье, помог младшим братьям завершить десятилетку, двое самых младших поступили перед войной в институт. В родной аул, расположенный у подножия Заилийского Алатау, Ильяс вернулся в качестве инспектора по культурно-просветительской работе в отдаленных районах, занимался инспектированием работы начальных школ – практически работа сводилась к ликвидации безграмотности населения, открытием школ семилетнего образования, поиском, подбором и подготовкой преподавателей. Это были годы становления советской власти, Ильясу приходилось принимать участие в комитетах по борьбе с пережитками прошлого, работа с молодежью также входила в его обязанности.

Шел 1929 год, лето. По вечерам парни и девушки собирались на окраине аула, разжигали костер, играли в разные игры, девушки любили качаться на деревянных широких каче-

лях алтыбакан, то есть на шести опорах. Их обычно раскачивали парни. Однажды Ильяс пришел познакомиться с ребятами, посмотреть, как они проводят время, побеседовать с ними.

Небольшая группа парней и девушек собрались у качелей, на которых раскачивалась хрупкая девушка с длинными роскошными косами. Все ее просили спеть. Девушка повернула голову в сторону Ильаса, их глаза встретились. «Какой строгий парень, кто же он такой?» – подумала она, а он на миг оторопел: как она прекрасна, правильные черты лица, черные брови вразлет, большие черные глаза... И вот она запела, все вокруг затихли, слышался только ее нежный, негромкий, чарующий голос. Когда песня закончилась, девушка смущенно взглянула на Ильаса, заметила, что его глаза потеплели и куда-то испарилась его строгость. В этот вечер Ильяс представился и познакомился со всеми, с ней тоже. Звали ее Асемай. Ребята окружили его со всех сторон, задавали много вопросов: как там в столице, что происходит в мире и какие планы насчет их аула. Встреча затянулась за полночь.

Так познакомились и полюбили друг друга Ильяс и Асемай. Девушке было семнадцать лет, она воспитывалась у богатого дяди, отличавшегося крутым нравом. Он не просто забрал у бедного родственника племянницу – у него были дальние планы на нее. Зачем было упускать такой шанс пополнить свой карман, выдав племянницу замуж за богача?

Можно получить хороший калым. Она не просто красавица, образованная, воспитанная в строгости и лучистая по характеру девушка, найдет он ей богатого жениха, думал, потирая руки, Сарсенбай – так звали дядю. У него было пятеро сыновей и ни одной дочки, зато четыре жены – от каждой по одному сыну, лишь младшая из них родила двоих. Все жены жили отдельно от него со своими сыновьями, которые уже женились, отдельно вели свое хозяйство. Сарсенбай жил с предпоследней женой, самой любимой, с их общим сыном Адилбаем и племянницей. За Асемай приглядывали и сопровождали поочередно на все вечерние ее прогулки жены его сыновей. Ничто не мешало осуществлению его планов, но тут появился этот городской босяк, у которого кроме глиняной мазанки, кучи братьев, матери-вдовы и нескольких баранов, ничего за душой. Однако босяк был непрост, за ним стояла новая власть, законы все поменялись. Сарсенбай бы срочно выдал племянницу за калым, но находились только те, у которых уже были жены и не одна, а закон не позволял многоженства, калым тоже оказался под запретом. Круто взялась новая власть, будь она неладна. Но Сарсенбай не отчаивался, чаще стал наведываться в другие, более дальние аулы, надеялся найти для нее жениха. «Вдовец тоже подойдет», – рассуждал он в дальних конных поездках. Даже съездил на Иссык-Куль в Киргизию. Там народ жил беднее, своих дочерей с радостью отдавали за казахов второй и третьей женой. Сарсенбай был уверен, что его снохи хорошо стерегут племян-

ницу, как он наказал — держать ее подальше от этого босяка.

Пока суд да дело, в составе комиссии по раскулачиванию Ильяс принял участие в деле по изъятию излишков скотины в ауле дяди Асемай, хотя и не хотел, но должность обязывала. Сарсенбай заранее успел отогнать в отдаленное зимовье и спрятать табун лошадей, большое стадо баранов и коров, нанял охранять скот несколько чабанов и молодых парней-смельчаков, которые могли обороняться и отстоять его скотину, если нагрянут власти. В ауле он оставил небольшое поголовье, кое-какое поголовье раздал бедным родственникам с возвратом, но за барашка в награду, те охотно соглашались услужить баю.

В составе комиссии были в основном приезжие служаки, а те, кто был из этой же местности, делали вид, что поверили в отсутствие лишней скотины, потому что им здесь жить, комиссия уедет, а они останутся с баем, который не простит их в случае чего.

Только бесил бая Ильяс, который смел поглядывать на его воспитанницу. Все же Сарсенбаю пришлось расстаться с частью поголовья, которую у него конфисковали. Тем временем влюбленные ухищрялись тайно видаться, поговорить о будущем. Асемай очень боялась, что дядя их разлучит, увезет ее куда подальше. Ильяс был полон решимости, вот только каково будет ей жить в нищенских условиях? Он всех в семье прокормит, но дом был обычной мазанкой, не для богатой девушки, а Асемай напротив не боялась бедности, в доме

ее родного отца было не богаче, для нее главное было быть рядом с любимым.

В день, когда ей исполнилось восемнадцать лет, они тайно расписались в сельсовете и Ильяс привел в свою мазанку молодую жену. Куляй, его мать, в растерянности долго не знала, что делать, потом расплакалась, обняла и поцеловала невестку. Молодой муж пригласил несколько человек из своего окружения на случай, если вдруг дядя попытается силой увести племянницу к себе. Только все сели за дастархан пить чай, как ворвались несколько молодцев из свиты Сарсенбая с плетками наготове, но, увидев людей в форме чекистов, их фуражки и кожаные куртки, осеклись, передали приказ бая вернуть Асемай домой. Глава сельсовета показал непрошеным гостям бумагу, где было написано, что Асемай стала законной женой Ильяса, и предупредил, он знает об утайке излишней скотины, и если что, то быстро раскулачат бая и пришьют ему статью, а это грозит тюрьмой.

Долгие годы после этих событий дядя и племянница не общались. Адилбай, средний сын Сарсенбая, который был всего на три года старше Асемай и которого она считала братом, была дружна с ним, часто навещал молодых. Адилбай прошел ликбез, учился в городе в школе рабочей молодежи, сам тоже мечтал жениться на любимой девушке, однако отец женил его на другой. Благодаря новым законам через два года он развелся. Его любимая жила в отдаленном ауле, ее тоже выдали замуж, но Адилбай видел, как счастлива его сест-

ра с любимым, и решил обязательно жениться на своей любимой Инкар. Он часто ездил к ней. Инкар была беременна, в таком виде оставить мужа ей не позволят, проклянут, поэтому они с Адилбаем решили подождать до следующего года. Она все равно не будет жить с нелюбимым, который был старше ее на тридцать два года, при этом не раз был женат. Ребенок у Инкар родился слабым, прожил меньше месяца и умер. Это позволило ей вернуться к своим родителям, через полгода Адилбай увез любимую к себе.

Сарсенбая не устраивала жена сына, она разведенка, надо было женить его на молоденькой девушке, думал он. Но годы его могущества остались позади, здоровье пошатнулось, старик заболел. Он не хотел умирать, не помирившись с племянницей, к тому же босяк уже был уважаемым в ауле человеком, его назначили директором и преподавателем семилетней школы. Учителей в народе почитают, государство выдало ему приличный деревянный дом возле школы, Асемай тоже работала в школе. Сарсенбай слышал от сына, что его племянница счастлива, поэтому распорядился, зарезать барана и пригласить всю семью Асемай к нему в гости. За столом старик дал свое запоздалое благословение молодым, наказал зятю и сыну поддерживать друг друга в этой жизни. Через несколько месяцев он скончался.

Асемай прикладывала все свое старание, чтобы стать хорошей хозяйкой. Дома у дяди всю работу делали его жены, снохи, а ее не учили ведению хозяйства. Но ей повезло: све-

кровь была добрая женщина, учила невестку всему, что сама умела: печь хлеб, варить еду, обстирывать домочадцев, шить незамысловатую одежду. Однажды Куляй ушла в гости к родственникам, а Асемай решила самостоятельно испечь хлеб. Достала муку, соль, подогрела воду, замесила тесто. Прошло три часа, а тесто не поднимается. Еще прошло два часа – тесто на том же уровне, твердое, у свекрови за это время оно бы уже «убежало», перекисло бы. Пришла свекровь, увидела тесто, раскрыла сыпыра – так называли обработанную добела баранью шкуру, в которую заворачивали тесто, а там лежит кусок нетронутого кислого теста, которое применялось в качестве опары. Пожурив невестку, Куляй сама заново поставила замес. Этот урок молодая женщина усвоила на всю жизнь, после этого больше не умничала, когда чего-то не знала, всегда спрашивала и более внимательно прислушивалась к советам свекрови.

Куляй относилась к невестке, как к дочери, у нее же были одни сыновья, а с Асемай ей было всегда весело, уютно, характер у невестки был добрый, она всегда ощущала искреннюю заботу о себе. За двадцать один год, которые они прожили вместе, между ними не было недомолвок, обид. Да и пережила свою свекровь Асемай только на полтора года, но это было потом, мы забежали с вами на двадцать лет вперед. За эти двадцать лет много воды утечет: Ильеса партия направит на учебу в столицу в юридическую школу, у молодых до войны родятся сын Азамат, дочь Сабира. Ильяс успе-

ет поработать следователем, прокурором, судьей... Каждые три года семья вслед за назначениями отца семейства в разные районы и другие области будет безропотно кочевать, дети будут регулярно менять школы. Его младшие братья поступят в институты, собираясь в будущем стать один художником, второй – врачом, младший – ветеринаром.

Но наступил 1941 год, черный год для всей большой страны, пришла война почти в каждый дом. Первым на фронт призвали Шерали, который на шесть лет младше Ильяса, он был вторым после него. Шерали уже был военным, работал после армии в военкомате, женат, имел дочку и сына. Затем одного за другим призвали троих младших братьев. Самому младшему было семнадцать лет, но он приписал себе год и добровольцем ушел на фронт. Ильяса, работавшего тогда судьей, оставили для обеспечения надежного тыла: тех, кто работал в органах безопасности, практически не призывали. Самый младший брат пропал без вести в начале войны, второй погиб под Сталинградом, третий защищал Ленинград, в чине старшего лейтенанта погиб в Эстонии, похоронен в городе Кохтла-Ярве.

Казалось, семья сиротеет, Куляй-апа совсем притихла в своем горе. Чтобы как-то оживить обстановку, Ильяс усыновил двоюродного племянника, да и Азамат не будет один без братишки, благо они были с небольшой разницей в возрасте. Мальчика звали Атабек, он был младше Азамата на три года, а Сабира младше Атабека на два. Атабек как раз

пошел в первый класс. В доме стало веселее, Асемай сразу полюбила смешливого, пытливого пацана, которого все интересовало. Он стал первым помощником мамы, так с первого дня стал называть ее Атабек, он с радостью исполнял все ее просьбы. В последний год войны Асемай родила дочку Сабину.

Когда закончилась война, с фронта вернулся только Шерали, контуженный, с пулей в виске, которую не смогли извлечь хирурги. Он прошел всю войну без царапины, но вот в апреле 1945 года, поднимая кавалерию в бой, получил пулю снайпера. С этой пулей прожил семнадцать лет, хотя врачи прогнозировали не более года жизни. После войны он стал отцом еще трех сыновей и двух дочек. За отвагу и мужество, проявленные за годы войны, был награжден орденом Красной Звезды.

Первые послевоенные годы были еще тяжелыми, много семей с детьми остались без кормильцев, но надежда на мирное будущее согревала людей. Асемай чувствовала себя неловко перед овдовевшими соседками, старалась помогать им, делилась продуктами, одеждой для их детей, поддерживала, как могла, хотя у самих тоже было негусто, своя семья немаленькая, но все же у нее был муж. Детей приучила к коллективному труду, особенно когда готовили еду – все принимали участие: кто-то чистил картошку, кто нарезал лук и т. д. Особое настроение у всех было в день, когда готовили пельмени. Тут все включали фантазию, и среди пель-

мешков появлялись сюрпризы: например, фарш наполовину начиняли кусочком теста, кому достанется этот сюрприз, значит, он самый добрый в семье, кому достанется с кусочком жгучего красного перца, тот остряк и шутник, с кусочком белой бумаги – тот умный, если достанется старшим, а если кому-то из детей, значит, будет ученым и пр. Любая работа по дому превращалась в игру, в соревнование: кто сделает больше по количеству или быстрее, например, кто быстрее вскипятит самовар, засекали время, в другой раз следующий из детей пробовал перекрыть «рекорд» предыдущего. Затейниками, как всегда, выступали Асемай и Атабек.

Дома всегда было шумно и весело, только к вечеру, когда отец возвращался с работы, наступало некоторое затишье, пока папа немного отдохнет, покушает, потом снова начиналась шумиха, наперебой дети рассказывали ему новости и как провели день, кто какую отметку получил. Сабина немного подросла, всегда садилась к папе на колени, он целовал ее в лоб, ласкал, так на коленях у папы она засыпала.

В семье царил мир, даже нашаливших детей никогда не ругали. У Сабины в памяти остался случай, довольно неприятный, когда все дети испугались, что их накажут. А дело было так: мама уехала по делам, обедать дети должны были сами, старшего из детей Азамата тоже дома не было, бабушка Куляй дремала на своей кровати. Время приближалось к обеду, за обед ответственными были Атабек и Сабира. Подгоняя друг друга, они быстро вытащили на улицу само-

вар, заготовили бумагу, спички, и Атабек настругал из полешков запал. Развели вдвоем огонь в самоваре, он хорошо разгорелся, дети подбрасывали в горнило мелкие деревяшки, и вдруг... самовар начал танцевать! Дети опешили, не поняли, что с ним.

Первым опомнился Атабек: самовар пустой! Они с Сабирой, надеясь друг на друга, не залили в него воды! Он сбежал в дом, принес ведро холодной воды и окатил его полностью. Огонь потух, а самовар развалился на части, все, что было припаяно к его основанию, отвалилось. Дети сильно расстроились, они понимали, что испортили один из самых необходимых предметов для дома и семьи. Купить в казахской глубинке тульский самовар – на нем был написан производитель – практически невозможно. Тем более что совсем недавно родственник просил их папу купить ему самовар, если будет в Алма-Ате и сумеет найти его на барахолке.

Сабира и Атабек собрали все части самовара, занесли в дом и разложили на столе на самом видном месте, все втроем с маленькой Сабиной тихо расселись на коврик, пригорюнились, стали ждать возвращения мамы. Вскоре дети слышали цокот копыт маминой лошади. Асемай спрыгнула с седла, привязала ее к крючку и пошла к дому. Дверь в дом была открыта нараспашку. Обычно дети весело встречали ее уже во дворе, а сегодня стояла непривычная тишина. Вслух она произнесла: «Что же натворили мои детки, почему они меня не встречают, ой, что-то здесь не так», – и вошла в дом.

Войдя с улицы, где светит яркое солнце, мама не сразу увидела всю картину, где детки сидят, потупив взгляды, и самое главное – не сразу увидела свой самовар. «Вот оно в чем дело!» – произнесла она и вдруг залилась смехом. Она никогда не видела такой растерянности на лицах детей, можно сказать даже страха. Подошла к ним, поочередно обняла каждого, погладила их по головкам, поцеловала всех.

Дети оживились, стали наперебой рассказывать, почему у них так получилось, их лица потеплели, порозовели, страх прошел, появился какой-то раж, веселье, счастье, что их мама даже не поругала за такую серьезную провинность. Асей накормила детей и бабушку, налила им молока и пошла искать у знакомых во временное пользование самовар – чай из кастрюли или чайника был бы не так вкусен, а муж любит побаловать себя ароматным чаем.

...Сабина глубоко вздохнула, встала из-за стола, включила электрический чайник, который стоял на тумбочке. Вода быстро закипела. Все еще пребывая в воспоминаниях, почти машинально налила себе в кружку из заварного чайника немного холодного чая, сверху долила кипятка и подошла к окну. Мысли ее были в далеком детстве, они навеяли на нее смешанное чувство грусти и умиления, внутри все всколыхнулось. Мама... Сабина почувствовала себя маленькой девочкой, она сидит на руках у мамы, обеими ручонками поглаживая мамино лицо, старается пригладить ее волосы, ко-

которые выбиваются их под косынки, волосы густые, непокорные, слегка вьются, а за спиной две толстые косы колышутся в такт ее шагам.

— Мама, дай мне свою сумку, тебе же тяжело, я тебе помогу, — говорит Сабина и тянется к сумке, а мама смеется, пытается объяснить дочери, что она в любом случае будет нести и сумку, и Сабину. Идут они вечером в сумерках от соседей, поэтому мама не хочет опускать дочку на землю, вдруг споткнется и упадет.

Родители души не чаяли в младшей дочурке, баловали, исполняли все ее желания. Однажды дочурка захотела иметь своего олененка. Папа был охотником-любителем, дружил с егерями, охотниками, когда они приходили в гости, Сабина с интересом слушала их рассказы об охоте, о диких зверях. Однажды привезли в подарок папе медвежью шкуру, уже выделанную, повесили ее на стену.

— Я хочу олененка! — захлопав в ладошки, сказала дядям-охотникам Сабина.

Отец хотел что-то возразить, но один из охотников, самый старший, пообещал Сабине исполнить ее желание. Через какое-то время приехал этот дед и на арбе привез небольшого олененка. Он был такой красивый, пятнистый, пугливый, дрожал, когда кто-то подходил к нему. Несколько дней подряд Сабина пыталась подружиться с ним, пробовала погладить, покормить свежей травкой, но олененок не шел на сближение, чурался ее. Только мама поила его молоком,

он с опаской, но все же пил с ее рук. Папа стал убеждать Сабину, что нужно вернуть олененка в горы, что он не будет жить в неволе, ведь его отлучили от мамы, что он тоже ребенок. Сабина не хотела с ним расставаться, но подружиться не получилось.

Как-то утром не увидела его в саду, ей сказали, что олененок умер. Сабина всю жизнь корила себя за свою жестокость, за эгоизм, из-за ее прихоти погиб олененок, она была виновницей разлуки матери и дитя, приведшей к трагедии.

Она поняла много позже, что поступки всегда имеют логический конец, совершая которые, люди не задумываются о возможных последствиях. «Если бы знать!» – подумала она и тяжело вздохнула.

Сабина так и не выпила свой чай, он уже успел остыть. Снова перед глазами возникли, как будто проявились, как на фотопленке, глаза мамы, лучистые, ласково-добрые, от взгляда которых на душе теплело. Вспомнился случай: к маме должна была приехать в гости подруга с дочкой одного возраста с Сабиной. Мама не успела купить подарок для девочки и попросила Сабину подобрать из ее платьев одно для подарка. Сабина взяла одно платье, которое ей не особенно нравилось из-за темноватой расцветки, мама об этом знала. Мама спросила Сабину:

– Тебе нравится Клара? Вы же дружите?

Сабина кивнула в знак согласия, Клара добрая, подумала она. Мама отложила посуду, которую мыла, подошла к доче-

ри и очень серьезно завела разговор. Суть беседы сводилась к тому, что есть доброта и щедрость и как дарить подарок.

– Если ты даришь что-то свое, как сейчас платье, то пусть это будет твое лучшее платье, этим ты покажешь свое уважение к подруге, дарить то, что тебе не нужно, – это неприлично, даже безнравственно, – сказала она.

Сабина послушала маму, выбрала свое любимое платье и подала маме. Ей немного было жалко расставаться именно с этим платьем, но она всецело доверяла маме. Она вспомнила сказки мамы, в которых та ненавязчиво приводила примеры добрых поступков, уважения к старикам, сострадания больным, примеры равного отношения к людям разного достатка, так и говорила: «К красивому и уродливому относись одинаково, богатого и бедного почитай одинаково, выбирай друзей не по красоте и богатству, цени в людях их человечность, ум, трудолюбие. Все люди равны, только обстоятельства бывают разные, но они со временем могут измениться, и человек докажет, чего он стоит. Трудолюбие и терпение могут все изменить. Хочешь добиться чего-то конкретного в жизни – бей в одну точку, прямо в цель».

Папины уроки Сабина также запомнила на всю жизнь. Он был человеком нравственной чистоты и справедливости, такую характеристику ему давали люди, проработавшие с ним бок о бок не один год. Сабине не раз приходилось слушать рассказы даже от бывших подсудимых, дела которых когда-то вел отец и не дал засудить невиновных. Когда он

работал в органах, еще в пятидесятые годы, приходилось решать судьбы людей, и он всегда боялся, как сам говорил, что есть риск обвинить невиновного. Приходя с работы домой, он часто бывал в размышлениях, в поисках правильных решений. Когда мама спрашивала о причинах его глубокой задумчивости, иногда делился с женой своими сомнениями, никогда не называл имен, о ком шла речь. Отец носил форменную одежду: китель, брюки-галифе, фуражка и хромовые сапоги. Таким он остался в памяти Сабины, форма придавала ему строгости, прямой нос, большие глаза, его взгляд мог смутить любого, но в быту это был очень мягкий по характеру, никогда не повышал голос, любил во всем порядок, учил детей чистоплотности во всем: в поступках, в одежде, особенно в отношении к обуви. Он говорил: «Обувь должна быть всегда чистой, ухоженной, – отец считал, что обувь является показателем состояния души человека, – если у тебя смятение в душе, ты забудешь про обувь, а если в этот момент ты начистишь их до блеска, ты за это время обрешь равновесие в душе, успокоишься и все правильно решишь, найдешь выход из сложившейся ситуации».

«Никогда не посягайте на чужое добро, – учил он детей, – воровство это не только юридическая, но и нравственная категория человеческих поступков. Вор – потенциальный предатель, ему никогда ни в чем нельзя доверять. Умейте ответственно относиться к данному вами слову. Если вы не уверены в своих возможностях выполнить свое обещание – не обе-

щайте, скажите, что сделаете все возможное, но если обещали, дали слово – сдержите, чего бы это ни стоило. Слово – это ваша честь».

Сабина с самого детства усвоила уроки папы и, став взрослой, не забывала наказ отца.

Это были самые счастливые и почти беззаботные годы ее семьи. Сабина собиралась осенью в школу в первый класс, она уже давно выучила весь букварь, умела считать и писать. Во дворе детей ее возраста было много, кто-то старше ее на год, кто-то ровесник или младше на один-два года, и всеми руководила Сабина. Основная игра была в школу, роль учительницы и очень строгой играла Сабина. Она всех учила писать и читать, все ее слушались.

Все бы хорошо, но Сабину тревожило то, что мама ждала ребенка, она уже отяжелела, появлялась одышка, не так быстро двигалась. Она слышала разговоры женщин, которые советовали ее маме сделать аборт, потому что беспокоились о ее здоровье. В разговорах проскакивали слова «при твоём сердце это опасно». Для смышленной девочки этого было достаточно, чтобы почувствовать поднимающуюся в душе тревогу. Она еще при жизни бабушки слышала от нее, что на небе есть Аллах, который все может, помнит, как она говорила: «Он все может дать и все может забрать, все в его власти». Это натолкнуло Сабину на мысль попробовать упросить Аллаха оставить ее маму, не забирать ее к себе, поэтому каждый день к закату солнца она забиралась тай-

но от всех на крышу сарая, зарывалась в сено, чтобы ее никто не увидел, возносила руки к небу и умоляла всемогущего Аллаха не забирать маму, не оставлять их сиротами. Дети того времени знали что значат слова смерть, гибель, сиротство: война закончилась совсем недавно, каждая семья столкнулась с горем и потерями, а сирот было не перечесть.

Наступил сентябрь, папа отвел Сабину в школу. Ее встретила учительница, совсем молодая, светлые кудри, высокая стройная красавица в красивом платье. Сабина тут же ее полюбила. Папа подал документы Сабины и предупредил, что позвонки не позволят дочери заниматься физкультурой и запрещено поднимать тяжести. Учительница посадила Сабину в первый ряд недалеко от учительского стола. Рядом с ней посадила мальчика – Сабина была с ним знакома, его звали Нурали, их родители были дальними родственниками. Мальчик был очень прилежный, чистенький, точно не хулиган, решила она. Учеников в классе было много. На уроках начали изучать буквы, начиная с буквы «А», а на уроке арифметики – с цифры 1. Сабине было скучно. Так прошла первая неделя в школе.

Маму положили в больницу, она все не рожала. Сабина услышала разговор мамы с соседкой, которая привела ее в больницу: мама жаловалась на то, что медики боятся за нее и остановили роды лекарствами, вызвали врача из Алма-Аты, но он задерживается. В голосе мамы была тревога, она передалась Сабине. У девочки все внутри сжалось, она

чувствовала страх за маму, он уже не первый раз охватывал ее. Сабина подошла к постели и прижалась к ее ногам. Мама приподнялась, притянула дочку к себе, сказала, что с ней все будет хорошо, крепко обняла, поцеловала в лоб и еще некоторое время держала в объятиях, как бы прощаясь. Это были последние объятия дочери и мамы. Мама и ее новорожденный сын не проснулись после операции от передозировки наркоза. Значение этих слов Сабина поняла много позже, когда сама начала работать в больнице.

Так пришла черная полоса в счастливую семью, называемая горем, бедой, несчастьем, но никакие слова не могли передать всю суть этой безмерной утраты, в особенности для малышки. Она осиротела.

Вечером после похорон Сабина тихонько забралась на крышу сарая, села у стога сена лицом к заходящему солнцу и спросила у Аллаха, почему Он не прислушался к просьбе маленькой девочки и забрал на небо ее маму, за что Он наказал ее и есть Он вообще. Слезы катились с ее и без того красных глаз, они не просыхали вторые сутки. «Я больше Тебе не верю, Ты не добрый. Может быть, Тебя вообще нет на небе? Если Ты есть и видишь все и всех, слышишь нас, Ты бы меня пожалел». Она твердо решила, что больше никогда не будет обращаться к Нему, к Всевышнему Аллаху. Это бабушка ее учила чтить Аллаха, всегда молилась ему, и внучка верила.

Дома без мамы как будто выключили свет, стало все серо,

тускло, тоскливо. Все в основном молчали, отец стал нелюдим, молча садился кушать, молча вставал и уходил в другую комнату, даже дочку редко гладил по голове, никто не смеялся и никто не шутил. Через неделю отец стал ходить на работу, старшие школьники учились с утра, Сабина училась во вторую смену, утром она оставалась дома одна. В школу идти ей не очень хотелось – начнут все ее жалеть, соболеznовать, ей будет трудно сдержаться, чтобы не заплакать.

Учительница Таисия Николаевна встретила ее ласково, обняла за плечи, но ничего не сказала, ребята тоже молчали, во все глаза смотрели на нее, Сабина поежилась от этих взглядов, села за парту. Она не знала, что учительница предупредила ребят, чтобы не напоминали Сабине о смерти матери, чтобы ее лишний раз не расстраивать. Начался урок, Сабине стало легче дышать. Молодая учительница хорошо понимала состояние Сабины и помогла пройти этот трудный момент адаптации среди сверстников в школе после трагедии. Она уже продумывала, как включить Сабину в общественную жизнь, отвлечь ее от грустных мыслей, и на первом же собрании предложила выбрать ее санитаркой. Ребята все хором поддержали учительницу.

Каждый день перед уроками Сабина проверяла учеников на чистоту рук, опрятность в одежде, прическе. Того, кто приходил с грязными руками, она отправляла их мыть руки; если замечала грязную обувь или пыль на одежде, тоже отправлялся в уборную наводить порядок. Это была очень

строгая санитарка! Ребята подтянулись, быстро усвоили уроки гигиены от Сабины.

В дальнейшем все три года, которые Сабина училась в классе у Таисьи Николаевны, она была лидером: старостой, потом председателем совета отряда после вступления в пионеры, училась только на пятерки. Зато дома все было не так, как хотелось бы. Сабина только в школе чувствовала себя личностью, приободрялась, могла, как прежде, весело смеяться, радоваться жизни. Все началось с того, как через четыре месяца после смерти мамы отец привез толпу незнакомых людей. Среди них была девушка, ее он познакомил с детьми как новую жену.

С этой толпой и с этой женой в дом вошел холод. Сабина поежилась. Холод исходил от девушки, от ее глаз, она была мрачная, с капризными губами. С ней приехали ее родственники, веселились, пили, ели, через два дня разъехались, осталась только жена отца.

До женитьбы отца дети уже мало-помалу привыкали жить без матери, разделили обязанности по дому, совместно готовили еду, стирали, убирались, наводили чистоту и порядок в доме. Атабек больше остальных в семье заботился о Сабине, старался не давать ей скучать и тосковать по маме, придумывал игры, водил ее гулять, часто провожал до школы, водил в кино. Когда Сабина из-за травмы уставала ходить пешком, он носил ее на спине, возил на санках, лепил с ней снеговика. Жизнь понемногу налаживалась. Сабина просила

папу не жениться, не приводить в дом чужую тетю, она ему говорила, что нет на свете никого, кто может заменить маму, а с домашними делами дети сами научились справляться. Но отец ее слушал молча, вздыхал, и вдруг как снег на голову эти гости... и новая жена отца.

Старший брат Сабины Азамат с приходом в семью мачехи стал часто уходить с утра из дома, возвращался поздно, Атабек и Сабира продолжали выполнять всю домашнюю работу, топили печку, пилили, рубили дрова, мыли полы, готовили еду, наводили чистоту в доме. Оба учились в первую смену – с раннего утра затопят печку и уходят в школу. Все в доме почти не разговаривали, смех ушел в прошлое.

Между отцом и Рыскен – так звали мачеху – тоже особых бесед не было, короткие просьбы отца перед уходом на работу и все. Это была уже не та семья – сплоченная, веселая, жизнерадостная, как раньше. Все завернулись в свои коконы, дети не делились друг с другом своими переживаниями, боясь усугубить свои страдания и тоску по прежней жизни, оберегая друг друга от грустных воспоминаний.

Через короткий промежуток времени Рыскен поняла, что дети довольно послушные, и она может на правах старшей управлять ими, пошли сначала робкие короткие приказы – полупросьбы, затем уже властные указания, благо никто не возражал, все молча исполняли ее приказы. В основном рабочей силой были Сабира и Атабек. Старшего, Азамата, она опасалась, потому что он был всего на три года младше

нее. Сама она была из глубинного колхоза, окончила шесть классов. Ее родители мечтали удачно выдать замуж, главное – за интеллигента, потому что жена интеллигента могла не работать, а жена колхозника по закону обязана была круглогодично выходить на сельхозработы. Видимо, более молодого жениха не нашли и выдали свою дочь за интеллигента в два раза старше невесты.

Это замужество не сделало Рыскен счастливой: мало того что муж почти старик в ее понятии, оказалось у него большой приплод – четверо деток, один взрослый, второму пятнадцать лет, третьей – тринадцать, а самой маленькой и самой вредной – восемь. Почему вредной? Так посмотрите в ее глаза, они какие-то осуждающие, что ли... Сама не слишком послушная, если что не так, еще и упрекает, что Рыскен не то сделала, у них так не принято. Сабина сильно раздражала мачеху.

Как-то раз Рыскен собралась стирать мужнино белье, подходит малявка и бросает свое платье в общую кучу:

– Каждый день я тебе стирать буду, что ли? Носи еще три дня, оно не грязное, нашлась чистюля!

В сердцах она швырнула в лицо Сабине ее платье, но та не сдавалась, говорила, что грязное. Тогда Рыскен от всей души влепила звонкую оплеуху непокорной падчерице. Сабина пошатнулась, с трудом удержалась, чтобы не упасть, закрыла лицо ладошкой и побежала подальше от дома. Слезы душили маленькую девочку, она сдерживала рыдания, что-

бы никто не услышал ее из соседних домов. Щека горела, но обида жгла ее душу много сильнее, чем физическая боль. Никто никогда не бил ее, она привыкла носить чистую одежду, мама не дала бы ей ходить в грязном. «Мама, на кого ты меня оставила?» – думала Сабина. Почему именно у нее такое горе? У всех в классе есть мамы. За что она так наказана и кем, сирота да еще больная?

Она бежала все дальше от дома в сторону гор, поселок остался далеко, а она все бежала, не выбирая дорогу, через кустарники, камни. Силы покинули Сабину, она упала на прошлогоднюю траву и продолжала плакать, но теперь никто ее не мог услышать, и она дала волю рыданиям. Ей хотелось умереть и где-то там встретить свою маму, если бы она знала, как это сделать. Когда Сабина устала плакать, она поднялась, осмотрелась вокруг: горы еще далеко впереди, а поселок далеко позади. Стала думать, что же делать, что бы посоветовала ей мама. Рассказать папе, что его жена ударила его любимую дочку? А что будет потом? Мачеха еще больше невзлюбит ее.

Она никогда не ябедничала, ничего ни на кого не доносила, потому что это неправильно. Дома начнется ругань, папа поссорится с женой, вот что будет потом. Братья с сестрой возненавидят мачеху, и без того никто из них не любит эту тетку. Сабина рассудила так: никому ничего она не скажет, умереть сама не сумеет – не знает как, поэтому вернется домой и постарается быстрее вырасти, стать взрослой, выучит-

ся и уйдет из дома в жизнь, станет адвокатом, будет защищать людей от зла и несправедливости, она сильная, умная, так учили ее папа и мама.

...Сабина смахнула слезы, навернувшиеся от своих воспитаний, подумала, что это время было самым трудным в ее жизни, переломным. После этой пощечины у Сабины появилось желание жить и выжить вопреки всем напастям, выбраться, вырасти и стать самостоятельной. Как ни странно, но именно тогда у нее появился стимул, как сейчас сказали бы – мотивация, к осуществлению своей цели, падая, вставать во что бы то ни стало! Этим девизом Сабина не один раз пользовалась в своей жизни, а теперь ее назвали в этой статье «человек недели», выбрали из сотни тысяч таких, как она, алмаатинцев. Написали: «Успешна, богата, любима».

Вот счастлива ли она? Это вопрос из вопросов и для нее самой. Когда корреспондентка, она же и главный редактор газеты, задала ей этот вопрос, она отшутилась, сказав, что это вопрос философский, ведь для полного счастья всегда не хватает самой малости. Когда-то у нее счастье точно было, но оно осталось в том далеком детстве и ушло от нее вместе со смертью мамы. А что осталось после мамы? Не прошло и года, как ее старший брат уехал продолжить учебу в медицинском институте в Алма-Ате, второй брат, ее любимый Атабек, тайно от всех уехал к родному отцу, сестра уехала через два года на заработки и там вышла замуж.

С Атабеком получилась некрасивая история: в самом конце зимы, где-то месяца через два после женитьбы отца он с соседскими мужиками верхом на лошади поехал в горы за бревнами, дома сельчане отапливали дровами. При спуске с горы бревен одно из них придавило Атабеку часть стопы. Мужики перевязали ногу. Дома нужно было сделать компресс, но после возвращения домой мачеха только отругала его за неосторожность. Дома гостила ее сноха, жена ее старшего брата, которая шепотом наставляла золовку, мол, нечего держать дома этого детину, отправь его к родному отцу, одним едоком будет меньше. Атабек услышал совет этой женщины и понял, что от него хотят избавиться. Сказать сестренкам об этом не смог, поэтому уехал молча.

В десятилетнем возрасте Сабина осталась одна с отцом. Мачеха к тому времени была беременна вторым сыном. Девочке же пришлось помогать смотреть за маленьким братиком, затем и новорожденным малышом, мыть полы, стирать пеленки, таскать воду из далекой реки, покупать продукты в магазине и так далее. За эти годы они с мачехой худо-бедно нашли общий язык, но понимания и сочувствия друг к другу не испытывали.

Здоровье Сабины все ухудшалось, она ходила с трудом, нестерпимо ныла поясница. Школа находилась далеко от дома, и по дороге девочке приходилось делать передышку. Она ложилась на груды снега, хотя было холодно, боль немного ослабевала, затем она продолжала путь домой. О своих муче-

ниях даже отцу не говорила, жалела его – пожилой человек, вечные командировки верхом на лошади – другого транспорта не было. В редкие дни, когда он был дома, не успевал отдохнуть – маленькие дети по ночам плохо спали, жена вечно ворчала.

Сабина решила написать Азамату: он ведь будущий врач, наверное, поймет, думала она. К счастью, брат приехал очень быстро.

Сабина училась в четвертом классе, шла середина учебного года. Брат забрал документы из школы и через день увез ее в город. В Алма-Ате после бесчисленных посещений врачебных и административных кабинетов брату удалось устроить Сабину в детский санаторий, который находился в шестистах километрах от столицы и больше был похож на обычную больницу. Там девочку загипсовали и уложили строго горизонтально на целых четыре года, изредка меняя старый гипс на новый.

Дома был непосильный труд для Сабины, а теперь – непосильное лежачее положение в самом активном возрасте. Труднее всего было привыкнуть к необходимости справлять нужду в судно, с первых дней начали мучить запоры, приходилось терпеть мучительные процедуры с клизмой. Не каждый ребенок одиннадцати лет быстро и безропотно принимает такие перемены в жизни, многие плачут, даже устраивают истерики, поэтому врачи и медсестра санатория удивились поведению Сабины, принявшей свое положение стойко

и терпеливо, даже смиренно.

На самом деле у Сабины в душе и в голове вертелись сотни мыслей, они касались мамы: что бы она посоветовала или сама делала в такой ситуации? В первые дни ее держали в карантинном боксе, у нее было время подумать наедине с собой. Так Сабина решила: «Я перетерплю все и, сколько нужно времени, полежу в гипсе, но я встану, буду ходить и буду здорова, пусть не скоро, но это время придет!» Так решила она и успокоилась, стала хорошо кушать все, что дают, начала разговаривать с санитарками, стала улыбаться – видимо, мамины гены дали ей много оптимизма и стойкости.

Через несколько дней ее перевели в палату к девочкам. Здесь уже шли уроки. Ее сразу начали учить писать лежа на спине: на живот под тетрадь подкладываешь картонку и пишешь, не видя написанного. Через дня два стало получаться почти читаемо: строчки не накладывались друг на друга. Так писали диктанты и решали задачи. В палате лежали девочки из одного класса, на уроки подвозили еще учеников-мальчиков из других палат, в классе получалось семь-восемь человек, мальчиков всегда было меньше. Не все лежали горизонтально: это зависело от того, у кого что болело, были сидячие и ходячие. Общее несчастье – болезнь – объединяет людей, дети все были дружны, ходячие старались помогать лежачим: подать, принести, позвать кого-то.

В палате Сабины лежали в разные годы по четыре-пять девочек из одного класса, за четыре года девочки менялись,

одни уходили – поступали другие. Задания на дом выполняли во второй половине дня, после смены учителей приходили воспитатели, которые помогали не только выполнять задания, но и рассказывали о жизни за пределами санатория, делились новостями из жизни страны, о прочитанных книгах, об учителях, врачах...

Девочки ночами подолгу беседовали, обменивались мнениями об уроках, но самыми частыми темами были мечты о будущем. Сабина успевала перечитать почти все книги из библиотеки санатория, иногда воспитатели приносили ей из дома художественную литературу. Однажды, когда Сабина училась уже в шестом классе, ее любимая воспитательница Надежда Анатольевна принесла почитать книгу Каверина «Два капитана». Книга ей очень понравилась, девочка запомнила девиз главного героя: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Он был близок ей по характеру и стал ее девизом на долгие последующие годы.

Основные знания дети получали из устных разъяснений предмета учителями, особенно если педагог был требователен и не сюсюкался с ними, жалея детей, считая их больными. В седьмом и восьмом классах математику преподавал учитель Альберт Давидович, очень живой, подвижный, он любил, когда дети быстро подхватывали его уроки, наперебой отвечали на его вопросы, он устраивал конкурсы на быстроту мышления и мгновенное решение задач. Весь Сабинин класс оживлялся на его уроках, которые проходи-

ли стремительно. У ребят глаза зажигались, дух захватывало от таких уроков.

На итоговом экзамене по алгебре из восьми учеников получили отметки «пять» семь человек, и только один Дима получил «четыре». В районном отделе народного образования усомнились, что такое возможно. Приехал инспектор. Пришлось повторно сдавать контрольную, на ней весь класс получил оценку «пять», даже Дима решил все уравнения и примеры.

Воспитатели в жизни больных детей занимали особое место, особенно у девочек: их душевные беседы на самые различные темы, начиная от вопросов гигиены и развития взрослеющих девочек были полезны и уместны, ведь они заменяли девочкам старших сестер или даже мам. Они проводили вместе с детьми все их свободное время, делились интересными рассказами о жизни санатория, который открылся во время войны – тогда здесь лечили эвакуированных с оккупированных территорий детей, рассказывали о своих детях, пересказывали фильмы, которые смотрели, или о книгах, которые сами прочитали. Одним словом, не давали скучать и тосковать по дому.

Сабина тосковала не по дому: она считала, что у нее уже нет настоящего дома без мамы, она скучала по братьям и сестре, отца любила, но не могла простить его предательства семьи, памяти мамы. Брат Азамат писал письма не часто, но регулярно. Он уже жил в Москве, поступил в аспи-

рантуру после окончания медицинского института.

Так прошло четыре года. Позвонки Сабины срослись, скоро разрешат встать на ноги, и нужно будет заново учиться ходить. Это сегодня, по прошествии сорока лет, Сабина, вспоминая годы, проведенные на лечении, прошла широкими шагами одним махом, а насколько трудными были эти годы, ей не хотелось ворошить. Она помнит, что сначала было трудно физически привыкать к обездвиженному положению, все немело, затекало, и безумно хотелось скинуть с себя гипс, затем было тоскливо смотреть в потолок, потом она стала привыкать, видела, что она не одна в таком положении – тем не менее девочки вокруг смеялись, шутили, без умолку щебетали о чем-то. Одна лишь вера в выздоровление и примеры уже излечившихся и уезжающих домой детей помогали ей свыкнуться с мыслью, что так надо. «Да и кому я нужна больная?» – думала она. Новые подруги по несчастью и воспитатели помогли выжить, весь коллектив санатория относился к Сабине дружелюбно, подбадривал и пестовал мысли о выздоровлении.

Возможно, поэтому первым местом работы Сабины стала больница. Но это было потом. А тогда она поднялась на свои ослабевшие ноги, которые еле ее удерживали, временами подкашивались, голова кружилась, приходилось держаться за перила кровати, за стены. В санатории их кормили хорошо, вкусно и сытно, она уже не была той худышкой, какой приехала сюда. За эти годы она выросла, поправилась – нуж-

но и к этому весу привыкать.

За два месяца до окончания восьмого класса она уже сносно ходила без посторонней помощи. Брат прислал посылку с одеждой, обувью по размеру и отправил деньги на билет до Москвы. Как говорится, с корабля на бал: в июне 1959 года Сабина села в вагон поезда и приехала к брату в столицу СССР. Поезд шел четверо суток, соседи по вагону интересовались девочкой пятнадцати лет, бесхитростной и наивной, рассказывающей, куда и зачем едет, волновались за нее: а вдруг брат не сможет встретить, куда она пойдет, что может потеряться в большом городе. Она отвечала, что если брат не встретит – а этого не может быть, – то она найдет на вокзале пункт милиции, все расскажет, покажет адрес брата, и ее доведут, она не потеряется.

Все хорошо сложилось, брат ее встретил!

Москва поразила девочку своим размахом и шумом, многолюдностью и суетой. Все куда-то спешили, люди двигались по тротуарам, опережая друг друга. Все ей было в новинку: высота зданий, количество машин, яркие афиши, выстроились в бесконечный ряд магазины. У Сабины был свой план, как посмотреть столицу и познакомиться с ней: Красная площадь, Мавзолей Ленина, Большой и Малый театры, цирк и Ленинские горы. Брат выслушал и внес в ее планы поправки: они будут ходить по клиникам к столичным врачам, а потом, когда завершат поход за здоровьем, займутся экскурсиями и театрами. Но он пообещал сестре, что все ее пла-

ны они выполняют. Его обещание придало оптимизма и хорошего настроения, дальше Сабина безропотно выдержала эти многодневные хождения за вердиктом по ее здоровью.

Азамат мечтал видеть свою сестренку здоровой, красивой и обязательно счастливой. Ему хотелось выпрямить ее позвонки, потому что вместо четырех, у нее они срослись в один. Он еще до приезда Сабины изучал медицинские источники, и, оказалось, в Ленинграде проводятся операции по выправлению неправильно сросшихся костей. Это прибавило бы ей роста на десяток сантиметров.

На последнем консилиуме специалистов, где принимали решение отправить их в Ленинград на операцию, вдруг Сабина поднялась с места и спросила у врачей, какова вероятность в неудачном исходе операции, при которой может наступить паралич.

Врачи замешкались, потом сказали, что шансов на положительный исход намного больше, хотя полностью исключить неудачу никто не может. Предварительно сделают небольшую операцию на голени Сабины, из которой вырежут костную пластину, и на нее будут крепиться эти четыре травмированных и заново собранных позвонка.

Сабина продолжала задавать вопросы:

– А если я больше ничего не буду делать с моими позвонками, просто буду жить такой, какая я есть, сколько лет жизни выдержат мои позвонки?

Врачи оживились, пошептались между собой, отметили

разумность и смелость девочки и сказали:

– Живи до глубокой старости, только будешь маленькая, не всем парням приглянешься.

Сабина про себя рассудила: снова лечь в больницу, переносить несколько операций ради того, чтобы понравиться кому-то, рисковать тем, что она сейчас имеет, то есть возможностью ходить на своих ногах и радоваться жизни, – это же безумие! А врачам она сказала, что парень, который не оценит ее только из-за маленького роста, ей самой будет не нужен! Сабина улыбнулась своим мыслям, вспомнив этот эпизод в клинике – как она поразила врачей твердым решением судьбы своих многострадальных кривых, но бесценных позвонков. Врачи помогли устроить Сабину на период летних каникул в детский санаторий под Москвой, там ее подлечили, сделали небольшую операцию в полости живота – искали какое-то образование в виде увеличенного лимфоузла, но ничего не нашли и зашили надрез.

Опять ее кормили всеми витаминами, фруктами, занимались с ней легкими физическими упражнениями для укрепления ослабленных мышц рук, ног и спины после длительного лежания. К тому времени Сабина выглядела здоровой, розовощекой красавицей, она всегда сияла улыбкой, довольная тем, что вернулась к активной нормальной жизни.

Азамат не мог оставить Сабину у себя в Москве, он жил в общежитии, поэтому в последнюю неделю перед отъездом Сабины к отцу он выполнял свое обещание. Он привел сест-

ру в ГУМ купить немного одежды, потом они решили перекусить в кафе над фонтаном. Напротив сидела пожилая семейная пара. Супруга обратилась к Азамату:

– У вас очень красивая жена, вы, наверное, иностранцы, из Индии?

Азамат ответил, что это его сестренка, еще школьница, что они из Казахстана, а Сабина просияла и про себя подумала, что у нее все будет в порядке, что она умная, а еще такая серьезная женщина назвала ее красавицей, значит, она не пропадет. Она была счастлива: рядом родной брат, она в Москве, они ходят в театры, были уже в Большом, слушали оперу «Евгений Онегин», где партию Татьяны исполняла молодая Архипова, посмотрели балет «Лебединое озеро», спектакль цыганского театра «Ромэн», посетили Мавзолей, по вечерам гуляли по Москве.

В конце августа брат посадил Сабину в поезд до Алма-Аты. Здесь девочку встретили друзья Азамата, они два дня показывали ей город, гуляли по парку Горького, катались на лодке и бывали в других местах. До приграничного поселка она добиралась на автобусе.

Так закончился поход Сабины за здоровьем продолжительностью в четыре с половиной года.

В отчете доме Сабине были рады младшие дети папы и ма-чехи Рыскен, она ее называла – татешка (означает тётя). Их было уже трое: два мальчика и младшая девочка – Алтай, Алим и Наргуль. Они были спокойные, без лишнего шума,

почти не дрались, не ссорились. Их не нужно было носить на руках.

Снова началась трудовая жизнь: осенью – уборка картошки в огороде, нужно было заносить их в погреб в ведрах по десять килограммов, а то и тяжелее работа – возить воду на тачке в сорокалитровой фляге за полкилометра вверх по горной местности, пилить бревна на чурки, раскалывать их на поленья, складывать у стен сарая в стопки, и это неполный перечень выполняемых работ, входивших в обязанности Сабины по дому.

Никто не интересовался у нее, как она чувствует себя после болезни и перенесенной операции, под силу ли ей такой труд, тем более что она выглядела вполне здоровой, а жаловаться не привыкла, да и некому было изливать душу: не показывать же каждому свою выписку из истории болезни, где было написано, что в течение года ей противопоказан физический труд и ношение тяжестей свыше пяти килограммов.

Отец был занят на работе. Скорее всего, он не хотел нарушать зыбкое спокойствие взаимоотношений дочери с женой, он не ждал от этих расспросов ничего хорошего и в глубине души понимал, что не все у него дома так радужно, как кажется.

Однако так продолжаться не могло, потому что послеоперационный шов начал мокнуть, затем и кровоточить. Сабина сама тихонько, без свидетелей обрабатывала рану, в поликлинику не обращалась.

Неизвестно, чем бы закончился этот ее никому не нужный героизм, но помощь пришла неожиданно. Однажды она медленно, с остановками, на тачке тащила на аркане флягу с водой вверх от речки с дому, при этом низко опустив голову, как вдруг увидела чьи-то сапоги прямо перед ней, подняла голову и замерла от неожиданности. Перед ней стоял ее любимый брат Атабек, такой родной и совсем другой, высокий, стройный, совсем уже взрослый в своей солдатской форме, туго затянутой ремнем на тонкой талии.

Сабина ахнула, бросила веревку и повисла на руках брата. Как же долго они не виделись, кажется, больше семи лет! Слезы радости со смешанным чувством тоски и печали брызнули у нее из глаз, она не могла прийти в себя. Они еще долго в обнимку стояли среди безлюдной окраины поселка. Первым пришел в себя Атабек. Он поднял аркан с земли и потянул за собой тачку в сторону дома. Лицо его было больше печальным, чем радостным от встречи, даже временами в глазах загорались недобрые огоньки. Он просто не мог смириться с тем, что его малышка Сабина тянет непомерно тяжелую тачку с водой, когда ей нужна была забота и опека. Девочка до самого дома не отпускала его руку, опиралась на нее и прижималась к брату. Придя домой, он сразу же попросил у Сабины медицинские выписки, все молча прочитал, а на следующий день пошел в школу вместе с сестрой, написал директору школы заявление и на основании рекомендаций врачей взял ей отсрочку от занятий до следую-

щего учебного года, сказал, что увозит ее в свой район на лечение.

Дома Атабек переговорил с папой наедине и через день забрал сестренку с собой. Ехать было далеко с пересадкой с одного автобуса на другой маршрут. По дороге он сказал Сабине, что им жить почти будет негде, перебыются у родственников. Он ведь только вернулся из армии, своего дома у него нет, отец его умер, а мать жила с его младшим братишкой и молодой женой в старом отцовском доме. Атабек устроится на работу, и главное – пережить зиму, а весной будет видно, что делать, но теперь Сабину никому в обиду не даст: она будет отдыхать и набирать сил и здоровья, дальше посмотрят, что делать.

Вот так два родных человечка без своей крыши над головой и пока без средств к существованию, взявшись за руки, главное – вместе, решили бороться за место под солнцем. Сначала погостили у его мамы, маленькой старушки, которая всегда носила на спине маленького внучонка, затем поехали в соседнее село, где жил родной брат отца Сабины Шерали, тот самый герой войны, которого немецкая пуля в виске не сумела одолеть, хотя врачи предрекали только год жизни и затем смерть, но предсказание не сбылось. После войны он вернулся домой, где его ждала жена Жамал с дочкой и сыном, родившимися до войны. Им бы жить да радоваться, только злые языки подшутили над ним, шепнув, что Жамал не очень-то ждала его с фронта. А когда по его приезду

жена забеременела, Шерали усомнился, он ли отец будущего ребенка. Кумушки же продолжали нашептывать. Характер у Шерали был горячий, он не стерпел, не стал долго разбираться, пошел на разрыв с семьей.

В обиде за себя Жамал не стала оправдываться, вызвала своего брата из соседнего района. Тот приехал на лошадях, и с утра пораньше беглецы решили быстро ретироваться. Каждый посадил к себе в седло по ребенку: дочка с матерью, а сына Лескена посадил к себе ее брат. Дорога была дальняя для верховой езды – шестьдесят километров по горной местности, к тому же женщина беременная и оба всадника с детьми, быстро ехать им не удавалось.

Проснувшись утром, Шерали все понял, тоже оседлал коня, а он-то был кавалеристом, ему догнать беглецов не составило труда. На полном скаку Шерали выхватил сына из рук брата жены, да так ловко, что тот даже не попытался сопротивляться. Так Лескен вырос у отца, а его сестра с матерью всю жизнь прожили у дяди. Никто не сделал попытку примириться, а зная характер Шерали, родственники тоже промолчали.

Жамал через девять месяцев после возвращения мужа из госпиталя с войны родила сына, которого называли Женисом (Победой). Он носил фамилию дяди и вырос в его семье.

Дядя Шерали после развода с первой женой приехал в гости к старшему брату, отцу Сабины, в дальний район области, где Ильяс работал судьей. Его секретарь Дария была

землячкой и жила в его доме, помогала по хозяйству, нянчилась с Сабиной, которой было всего полтора года. Холостой бравый кавалерист быстро вскружил голову девушке, вернулся к ним через два месяца, сыграл свадьбу и увез в свой горный край веселую, беззаботную Дарию.

С тех пор прошло почти тринадцать лет с небольшим. И вот к ним приехали погостить Сабина с братом Атабеком. Сабина поразилась красоте края, который назывался Кольбастау: высоченные горы, покрытые густой зеленью и стройными елями, ущелья с высокой сочной травой, горные озера на разной высоте, родники и горные бурные потоки, некоторые пробивались через скалы, а каньоны не хуже американских, так говорили старожилы. Здесь же и бескрайние степи. Можно сказать, что видишь в одном месте все континенты на сравнительно небольшой территории. А какие головокружительные горные тропы, сколько ягод здесь растет от горной сладкой малины до кислейшего, но вкусного и пахучего барбариса!

Была уже осень, краски природы были многолики, не было конца восхищению девочки. Дядя Шерали очень любил Сабину, не знал, куда ее посадить и чем ее угостить. Мама Сабины в свое время еще до войны относилась к Шерали с особой любовью, как к родному братишке, называла его ласковыми именами, а его теперешнюю жену Дарию лелеяла и воспитывала как родную младшую сестренку, возможно, поэтому они оба с радостью приняли в дом Сабину. Все

самое вкусное подкладывали наперебой в тарелку Сабине, жили небогато – работал только Лескен. Он в этом же году окончил школу, в институт поступать отказался, хотя учился в школе очень хорошо, решил помогать вырастить младших братьев и сестер – а их было пятеро, пошел работать в машинно-тракторную станцию (МТС), так как с детства любил возиться с техникой. Отец получал пенсию по инвалидности, мать занималась хозяйством.

Жили скромно, главное – дружно, домик у них был небольшой, всего две комнаты и кухня. Сабина прикинула: их в семье восемь человек, она уже девятая. Атабек не мог здесь жить, он устроился в военкомат и временно жил у друга. Кроме прямых родственников отца, у Сабины в этом же поселке жили близкие ее мамы: пятеро братьев ее приемного отца, это были уже старики, у всех семеро по лавкам. Все они жили почти по соседству друг с другом. Она успела у всех погостить, встретилась с возмужавшим красавцем Сержаном, ходила с ним в кино, на танцы.

Там за ней начал ухаживать очень вежливый парень приятной внешности. Он представился учителем физкультуры, сам родом из Киргизии. Хотел проводить ее до дома, но Сержан пошел с ними вместе, потому что она в те дни гостила у его родителей. Так втроем дошли до дома. Сабина не стала задерживаться, попрощалась с парнем и зашла домой, а парни остались покурить. Минут через десять Сержан зашел домой хмурый и строго спросил Сабину, намеревается ли она

встречаться с этим парнем. Девушка ответила, что не думала об этом, ведь она еще не доросла до такого возраста, чтобы встречаться со взрослым мужчиной. Он снова вышел на улицу, вернулся уже повеселевшим, поставил на плитку чайник, напоил Сабину горячим чаем, шутил, смеялся, старался ее рассмешить.

На следующий день она снова вернулась к семье дяди Шерали – здесь ей были рады всегда, несмотря на тесноту.

Прошла зима. Иногда с братьями Атабеком и Лескеном они ходили в клуб смотреть фильмы, по субботам – на танцы. Там она больше не встретила того парня из Киргизии, а жаль, он хорошо танцевал и улыбка у него была особая, с какой-то нежностью. В конце марта Сабина решила вернуться к отцу домой: гостить было хорошо, но все же она понимала, что стесняет близких. Рана ее зажила окончательно, она чувствовала себя здоровой, отдохнувшей, к тому же татешка Рыскен в апреле ждала четвертого ребенка, нужно было помочь ей и отцу.

В доме у отца все было как прежде: ее ждала трудовая жизнь с утра и до ночи, весенняя посадка картошки вместе с папой, прополка, тачка с флягой, полная воды из реки, успеть покормить корову, собаку, кур, уборка дома и возня с детворой и прочие обязанности. Дни летели быстро, Сабина чувствовала себя хорошо, домашняя работа ее уже не утомляла, она с нетерпением ждала сентября, чтобы начать учебу в школе. Только немного огорчало, что не в свой

родной класс она пойдет – те уже перешли в десятый, последний, а ей нужно будет учиться в девятом классе, с новыми учениками. Да еще придется три года учиться, потому что со следующего года программу средней школы продлили на один год, одиннадцатый класс добавили. До взрослой жизни нужно было прожить на год больше, а она мечтала в следующем году уехать в Алма-Ату – там ее будет ждать брат Атабек, он в это лето будет поступать в институт.

Сабина за свою жизнь уже привыкла преодолевать трудности, препятствия. И у нее была вера в то, что она все равно пробьется, все преодолеет, и будет у нее все хорошо. А эти преграды ей уже не были так страшны, как ее прошлое обездвиженное годами состояние, поэтому она сбрасывала с себя невеселые мысли и снова с оптимизмом смотрела в будущее. Поэтому в новый класс она пришла в хорошем настроении, весело оглядела ребят, поздоровалась, назвала себя и отметила, что почти у половины класса были знакомые лица: некоторые второгодники по разным причинам, некоторых она просто вспомнила по прошлым годам, короче – односельчане.

Она выбрала себе место на последней парте. Здесь сидела уже девушка, высокая стройная со строгим взглядом, она немного прищуривалась, явно страдала близорукостью, та представилась:

- Лариса.
- А я Сабина.

Так она познакомилась с лучшей девушкой в классе, с которой с первого дня станут подругами. Оказалось, что у Ларисы не было подруг, она по натуре была немногословной, мрачноватой, вернее, нелюдистой, а Сабина подкупила ее открытостью характера.

В классе было всего четырнадцать учеников, шестеро из них – девушки, трое из учеников учились с Сабиной в начальных классах до ее отъезда. Она сразу влилась в класс как своя. Сабина с первого класса училась на отлично, теперь тоже не было трудностей. Хотя у нее не было учебников, она внимательно слушала учителя и, когда у нее спрашивали урок, отвечала на нужные вопросы со слов преподавателя, но более пространно, добавляя свои знания из прочитанных книг. А иногда, придя раньше, до начала уроков, брала у одноклассников учебник и успевала заглянуть в нужную тему. Письменные задания успевала написать в тот же день, как задавали, еще до ухода из школы домой, – также брала учебник у других учеников. У Ларисы тоже были не все учебники.

Вот только директор школы, Ураз Шамишевич, он же историк, приезжий в их поселке, не был знаком с семьей Сабины, быстро раскусил, что она не каждый раз бывает готова к уроку, и ловил ее много раз: спросит сегодня – пять, завтра – два. Так и ставил отметки, и это было часто. Сабине пришлось учить его предмет на каждый урок: она не могла ему признаться, что у нее нет учебника и при ее занятости домашними делами она не каждый день могла выучить

все уроки, а его не устраивало, когда Сабина пересказывала его слова, поэтому в такие дни ставил ей двойки. Но он эти двойки в счет не брал, когда выводил отметку за четверть, там ставил ей только пять.

Через десяток лет ученица и директор школы просто общались, как старые друзья, оказалось, что он считал ее избалованной дочкой, у которой не могло быть проблем с учебником и с временем, что она просто не каждый день брала в руки учебник. Ведь ее папа работал в райкоме партии! А про то, что у нее нет мамы, он не знал. Учитель сожалел, что требовательно относился к ее отметкам, думал, что способная девочка, а учит уроки через раз.

Зато учитель по математике Шах Мухаев не утруждал лишними придирками. Сын его учился в одном классе с Сабиной, сидел за партой прямо перед ней и часто оборачивался. Все в классе знали о его чувствах. Иногда мальчик провожал ее до дома, знал о ней и ее семье все и, видимо, делился с отцом, потому что математик к ней относился слишком мягко: спрашивал вводные темы, самые легкие, а при написании контрольных работ часто подходил к ней и, если замечал ошибку, молча пальчиком указывал на нее. Сабина тут же переправляла допущенную оплошность.

У этого же математика девять лет назад, тогда еще у молодого учителя, в десятом выпускном классе учился ее старший брат Азамат, и как раз в тот год умерла их мама.

Многие в поселке помнили маму Сабины, о ее доброте

и красоте ходили легенды, помнили ее песни и нежный голос, знали ее отца как грамотного юриста, скромного труженика, который, чтобы бесконечно не переезжать из города в город или село, перевелся на работу в райком партии. Возможно, поэтому Сабина чувствовала со стороны односельчан сочувствие к себе.

Сабина не могла позволить себе новое платье, в школу ходила всегда в одном и том же: постирает, погладит, пришьет белый воротничок и белые манжеты – и снова в школу, потому стала учиться вручную шить себе одежду, благо родственники в поездке подарили ей несколько отрезков на платье. Ночами, когда все ложились спать, она сначала на бумаге рисовала примерный фасон платья, снимала мерки со своего старого платья – все на глаз, смело разрезала ткань на нужные кусочки, сначала прошивала крупными стежками, затем, сделав первую примерку, садилась шить мелкими шажками просто от руки. Фасоны делала самые простые, главное, что есть новое немудреное платье. Получалось незатейливо и хорошо, даже сама удивлялась, что все так просто.

На новогодний бал сшила сразу два костюма, цыганки и медведя. Наряд цыганки было не трудно сделать, главное широкая длинная с оборками юбка, сверху – шаль, на шею надеть побольше бижутерии и колода карт в руке. С костюмом медведя было сложнее – с натуральной шкурой медведя пришлось повозиться, но она не унывала, потратив несколько ночей.

Ее предпраздничное настроение омрачалось упреками и придирами татешки, которой совсем не хотелось отпускать Сабину на школьный бал. На праздники отец был дома, только благодаря его настоянию Сабина посетила свой первый взрослый бал-маскарад. В обычные дни мачеха не отпускала ее ни к подружкам на дни рождения, ни в кино. За весь учебный год она только однажды, и то в воскресенье отпросилась на день рождения Ларисы и только на час – просто поздравить и все. Свободолюбивый нрав Сабины еле выдерживал такой деспотизм со стороны мачехи, и она уже готова была взорваться. Сколько можно терпеть, думала она и наконец не сдержалась!

Поводом послужила предстоящая экскурсия в горы, намеченная на второе мая. Тема – изучение родного края по географии, поход был обязательным, после него нужно было описать увиденное в контрольной работе на следующем уроке. Сабина заранее предупредила домашних, что это урок. Накануне провела генеральную уборку перед праздником, они с папой навели порядок и во дворе. С утра вскипятила самовар, чтобы домочадцы вовремя позавтракали. Около девяти часов утра к дому должна была подойти Лариса.

Сабина внесла в дом кипящий самовар, но еще не успела поставить его на поднос, как получила затрещину в лоб от татешки, сопровождающуюся потоком грязных слов об аморальном поведении падчерицы, прикрытых экскурсией, что ее с Ларисой там ждут мальчишки и так далее. Сабина вы-

пустила из рук самовар, он чуть не опрокинулся на обеих. Спасло только то, что Сабина ростом была маленькая, самовар был уже невысоко от пола, он покачался, слегка разбрызгивая кипяток, и остановился.

Сабину прорвало, она в бешенстве, сверкая глазами, схватила стоящий недалеко табурет, и... он не опустился на голову мачехи, потому что отец вовремя оказался рядом, успел остановить руку дочери. Он обхватил ее руками, пытался успокоить, но Сабина вырывалась. Сквозь рыдания из нее выплескивались слова обиды за весь год, а может быть, и за всю ее жизнь, все унижения, которые она терпела только ради отца, чтобы не бередить ему душу, говорила, что никто так не обходится с ее одноклассницами, только она настоящая рабыня в этом доме, что ей осточертела такая жизнь, она лучше утопится в реке, куда каждый день ходит за водой, что сейчас горная река в самом изобилии, бушует, быстро ее поглотит.

Она на полном серьезе представляла эту картину, поэтому немного успокоилась, прошла в другую комнату, переоделась в старье, а то еще кто-то пожалеет ее приличное спортивное трико, в котором она собиралась на экскурсию. Отец не выпустил ее из дома, умолял ее оставить дурные мысли и пообещал, что с этого дня она взрослая и будет делать только то, что посчитает нужным, что ее никто не будет больше, как сейчас, эксплуатировать, упросил ее переодеться снова в спортивный костюм и идти на экскурсию.

Наконец Сабина вышла на улицу, там ее заждалась Лариса. Ребята из класса давно ушли вперед, и уже их не было видно, девочки надеялись нагнать группу, но не сумели. Это было даже к лучшему, потому что по дороге обе наплакались, пока Сабина рассказывала про это утро. Девочки добрались до горной речушки, нашли удобное место и еще долго пересказали друг другу свои истории. Ларисе в жизни тоже было непросто, ее мама часто выпивала, оставляла дочь и ее младших братишку и сестренку одних, сама пропадала на несколько дней. Дома было шаром покати, часто нечего было есть, кроме картошки. Отца Лариса не помнила, а младших мама родила неизвестно от кого. Не зная ее жизни, Ларису все воспринимали как гордячку. Общалась не со всеми, не слишком разговорчивая, но всегда опрятная, тоже всегда в одном платье, которое носила бессменно. Сабина искренне пожалела подругу, Так они никогда не открывничали. Она подумала, что ей жилось все же легче, чем Ларисе. Наплакавшись, подруги стали мечтать: зато они отличницы, смогут устроить свою жизнь, обязательно окончат институт и будут счастливы.

Это был последний день, который они провели вместе.

Девочки наговорились и вернулись только вечером, полные надежд на светлое будущее. Буквально через месяц судьба их развела навсегда: сразу после окончания учебного года семья Ларисы спешно переехала, а куда – Сабина так и не узнала. Сама она еще раньше неожиданно уехала на уче-

бу. Подруги не смогли оставить адреса друг другу, все произошло непредвиденно, они даже не смогли попрощаться.

Учебный год стремительно заканчивался. Сабина искала возможность устроиться на летних каникулах на работу, чтобы немного заработать и элементарно купить себе приличную одежду, учебники, предметы личной гигиены и прочее. Она узнала у знакомых, что в июне уходит в декретный отпуск женщина, которая работает в регистратуре поликлиники районной больницы. Это было очень кстати для Сабины – там специальность не требовалась. Она поговорила с отцом, который был близко знаком с главным врачом, чтобы помог записаться на прием. Ей было назначено на 30 мая на 14:00. Нужно было договориться в школе на случай, если ее примут на работу с 1 июня, – она не успеет сдать экзамены. Пришла к своему директору школы, объяснила ситуацию, рассказала о финансовых трудностях и что есть исключительная возможность немного заработать денег, но нужно сдать экстерном экзамены. Директор обещал ей помочь. Он переговорил с завучем и преподавателями, и было принято решение: по предметам, по которым нужно было сдать экзамены, по итогам годовых оценок поставить ей четыре – она просто не окончит класс на отлично.

Сабина с легким сердцем и с решимостью начать трудовую биографию пришла на прием к главному врачу в назначенное время. В приемной была только секретарша, она собралась доложить начальству о посетительнице. Тут дверь

открылась, в приемную зашел еще посетитель, мужчина среднего возраста, представительной внешности. Он прямо направился к главному, но Сабина преградила ему путь и сказала:

– Мне назначено, сейчас моя очередь.

Мужчина улыбнулся и пропустил вперед Сабину, она вошла в кабинет, мужчина последовал за ней. Сабина обернулась к нему, строго взглянула и начала говорить, как увидела, что главный соскочил со стула, суетливо с протянутыми руками для приветствия подошел к посетителю, в то же время глазами указал Сабине на дверь и сказал:

– Потом, потом зайдешь.

Посетитель остановил Сабину, сам сел на стул у стены, а не к главному врачу и сказал, что у девушки очередь подошла, а он подождет.

Сабина села на стул перед главным врачом, изложила свою просьбу поработать на период декрета сотрудницы регистратуры, временно ее заменить. Чтобы быстрее выпроводить Сабину, врач быстро принял решение и сказал, чтобы в приемной Сабина написала на его имя заявление о приеме на работу регистратором с 1 июня. Однако посетитель не дал Сабине уйти, начал расспрашивать, знает ли она анатомию человека и насколько. Сабина очень хорошо знала анатомию не только по школьной программе: многолетнее нахождение в санатории и постоянные рентгеновские снимки ее и ее друзей, бесконечные обсуждения всего скелета на предмет пе-

реломов и травм хорошо просветили ее в отношении человеческого организма. Мужчина представился Борисом Абрамовичем, он областной рентгенолог, приехал подобрать кандидатуру на обучение специальности рентгенолаборанта для дальнейшей работы в этой же районной больнице.

Он проэкзаменовал Сабину на знание анатомии и был приятно удивлен. Командировка у него заканчивалась, кандидатура медсестры, представленная больницей, ему не подошла, и он был огорчен. И тут такая удача – малышка превзошла все его ожидания. Сабина стала отказываться ехать на учебу в Алма-Ату: у нее нет денег на это, ей просто нужно немного заработать, еще нужно окончить школу... Но Борис Абрамович все ее аргументы отмел в сторону и нарисовал такую картину: можно окончить вечернюю школу, деньги для учебы ей будут не нужны, потому что облздрав оплатит жилье в городе на период обучения, больница примет ее на работу в штат с 31 мая, оплатит командировочные и дорожные расходы, и за весь период учебы три-четыре месяца она будет получать оклад, вернется осенью уже специалисткой.

Эту встречу Сабина назовет судьбоносной, на всю жизнь запомнит своего благодетеля, хотя они больше не встретились, будет ему премного благодарна: одним махом он решил ее насущные на тот момент проблемы. Сабине хотелось увидеть его еще раз, сказать ему спасибо, но не получилось. За время учебы несколько раз бывала в облздраве, но Бориса Абрамовича не заставала в кабинете, чаще всего он был

в командировке.

Лето в том году было теплое, солнечное. Учебная программа была насыщенная, четырехмесячные курсы уплотнили за счет дополнительных занятий и сократили до трех месяцев. Времени на досуг практически не оставалось. Занимались в главном корпусе медицинского института на проспекте Комсомольский, практические занятия проходили в основном рядом с институтом в Первой городской больнице. Иногда посещали кабинеты для знакомства с тяжелой аппаратурой в онкологическом институте, учились не только рентгенологии, но присутствовали на хирургических операциях. Дежурили вместе с медицинскими сестрами в терапевтических и хирургических отделениях, научились делать медицинские процедуры, инъекции, изучали физику, радиационные излучения, электричество, правила безопасности работы в рентгеновских кабинетах, фотодело. В последний месяц нажимали на практическую работу: как делать снимки, растворы, проявлять пленки. Обучали этике медицинского работника, чтобы больные не стеснялись – умению вызывать их доверие, внушать больным уверенность в выздоровлении.

Сабина с полной отдачей впитывала полученные знания, особенно она была благодарна себе за то, что усвоила навыки самостоятельной работы с больными, страдавшими инфекционным кожным заболеванием, например паршой – в те годы в ее родном поселке и в районе было много переселенцев из Китая, у которых, среди детей в особенности, была рас-

пространена эта болезнь.

Конспекты, написанные во время учебы, помогли ей правильно подбирать дозировку количества рентген в разных случаях и по возрасту детей. Сабина ездила по поселкам и в школе прямо на уроках сама осматривала головы ребят, выявляла болезнь, списки больных школьников вручала директорам школ, обязала их в назначенные дни направить мальчиков в районный центр на лечение и облучение. Кампания по борьбе с паршой носила серьезный характер: нельзя было допустить тотального распространения заболевания – если не лечить, дети могли полностью облысеть.

Приезжавших школьников осматривал врач-кожник, после облучения он проводил терапевтические процедуры, давал рекомендации по применению мазей и назначал повторную консультацию. Через несколько месяцев дети приезжали на осмотр: волосы у них вырастали, и чаще всего это были здоровые кудри.

Сабина понимала, что сама рискует заразиться паршой, постоянно мыла руки спиртом. Была еще вторая причина для опасений: рентгеновский кабинет для лечения парши не был приспособлен для этих целей, стены и дверь, за которой находилась Сабина, не были защищены свинцовой изоляцией от рентгеновский излучений. Она просто получала их, хотя и в небольших дозах, но они накапливались в организме, нанося ей вред. По правилам, в таких кабинетах не должны были работать несовершеннолетние, а ей было

только семнадцать лет. Патристически воспитанная девочка решила продолжать борьбу с паршой. Она получала за вред здоровью пятнадцать процентов надбавки к зарплате, старалась больше пить молока и не думать о плохом.

За девять месяцев учебного года более ста школьников прошли через ее руки, и за свой вклад в их здоровье и красоту она внутренне испытывала гордость.

Рабочий день Сабины был расписан по часам и должен был составлять в общей сложности пять часов – она работала на одну ставку. С восьми утра она самостоятельно принимала больных, делала снимки, проявляла пленки, сушила их. Затем приходил врач-рентгенолог Давлетов, они совместно проводили осмотр и просвечивание мягких внутренних органов пациентов стационара, затем поликлиники. Во второй половине дня в другом корпусе Сабина занималась школьниками с кожными болезнями.

Сабина потеряла подругу Ларису, но в первый же день работы в больнице, когда вернулась с учебы, нашла себе новую подругу, которая вскоре станет еще и снохой, выйдя замуж за ее двоюродного брата Лескена, а вот как все было.

Рабочие кабинеты для прохождения рентгеновского обследования находились в торцевом крыле новой районной больницы, здесь же расположилось хирургическое отделение. Эти два отделения занимали весь торец здания. В обеденный перерыв Сабина вышла на крыльцо, она нежилась на солнце после темного кабинета. Сюда же вышла молодая

симпатичная девушка в белом халате, она тоже подставила лицо под лучи солнца. Они разговорились, как старые знакомые, хотя виделись впервые. Оказалось, что Асылжан, так звали девушку, тоже в первый раз вышла на работу после окончания медицинского училища в Алма-Ате, она – хирургическая медсестра. С того дня они ежедневно общались, обедали вместе, иногда возвращались домой вдвоем – жили они недалеко друг от друга.

У обеих была кровь первой группы, их сразу записали в доноры. Тогда за кровь, перелитую напрямую в экстренных случаях ничего не платили, а может быть, оплата была предусмотрена, но они об этом не задумывались. Специальности девушек были востребованы в экстренных и аварийных случаях, поэтому, где бы они ни находились, обязательным условием было, чтобы они оставляли адрес, где их найти.

Собрались однажды вдвоем в кино на последний сеанс, вдруг в середине фильма открывается дверь клуба и на весь зал кличут их по фамилии с просьбой срочно на выход. Им ничего не остается, как садиться в карету скорой помощи и ехать на работу.

В горах шли лесозаготовительные работы (в те времена к ним в район уголь не привозили, дома и служебные помещения отапливались дровами), там часто случались травмы, переломы, падения. Девушки были молоды, семьями и детьми не обременены, для них такая жизнь не была в тя-

гость, обе были легки на подъем и не роптали.

Сабина стала зарабатывать. Свою получку всю отдавала татешке, при необходимости просила у нее нужную ей сумму, это очень устраивало обеих. Татешка после случая с табуретом уже не ворчала и не ругалась, а после того как стала получать заработанные Сабиной деньги, совсем растаяла, больше не называла ее дармоедкой. Так что жизнь дома стала тоже вполне терпимой.

С середины октября начались занятия в вечерней школе рабочей молодежи, Сабина пошла в десятый, выпускной класс, ей повезло: очникам добавили одиннадцатый выпускной класс, а в вечернем и заочном обучении оставили десятилетку. Учителя были почти те же, что в девятом классе, директор – тот же историк Ураз Шамишевич Хаджимуратов. Занятия шли по три урока за вечер, они были необременительными, домашних заданий задавали не много, работа же была ей только в радость.

Асылжан иногда приходила обедать домой к Сабине, несколько раз отец обедал с ними, познакомился с подругой дочери и остался доволен: ему понравилась Асылжан, скромная, воспитанная, подумал отец. Ходили также обедать в дом старшей сестры Асылжан, где та жила. Их мама жила в другом поселке, где не было больницы с хирургическим отделением. Отец Асылжан погиб на фронте.

Наступила весна. Сабине, ее подруге Асылжан и еще одной работнице больницы Мариям нужно было получить во-

енные билеты, а военкомат – один на два района – находился в соседнем райцентре, как раз там, где жили родственники Сабины, туда командировали их на одну неделю. В те годы малая авиация являлась лучшим и самым быстрым транспортом между отдаленными поселениями. И девушки полетели в Кольбастау, как на курорт, на отдых в живописный край.

Перед отъездом папа Сабины дал ей записку для племянника Лескена. Он не делал секрета о ее содержании, сказал, что советует племяннику пригладеться к подруге Сабины, писал, что считает девушку порядочной, стоящей и достойной партией для него.

Девушки остановились у дяди Шерали, его большая и дружная семья встретила их радушно. Тетя Дария занималась домашним хозяйством, брат Лескен работал в колхозе токарем в мастерских. С ним вместе работал его закадычный друг Болат, он – слесарь, они вдвоем были признанными мастерами своего дела, могли на своих станках изготовить любые детали на сельхозтехнику, если достать заводскую запасную деталь было невозможно из-за дефицита на запчасти. Оба парня были здоровые, загорелые красавцы, играли бицепсами, полные сил и энергии. Болат к этому времени был уже женат, а Лескен еще ходил в холостяках.

Мариям сразу призналась Сабине, что она влюбилась в ее брата. Сабина промолчала, зная про волю своего отца, а Лескен слишком уважал своего дядю, чтобы послушаться, да и де-

вушка ему пришлось по душе: без лишних ужимок, серьезная, внешне привлекательная, опрятная, светлокожая и с хорошей, нужной профессией в сельской местности. Сам он немногословный, выдержанный, работающий мужчина, чем они не пара, думал он, но с Сабиной ничего не обсуждал. Просто по вечерам оба друга провожали девушек, а их наперебой приглашали в гости родственники, знакомые, сотрудники здешней районной больницы.

Проблем с получением военных билетов не было, уже на четвертый день их выдали девушкам на руки. Теперь они стали частью военного контингента страны, готовые в любое время встать на защиту Отечества и здоровья его солдат, с чем их поздравил военком, вручая военные билеты.

В это самое время за спинами девушек велись тайные переговоры друзей Лескена – они строили планы о срочной женитьбе его на Асылжан. Лескен возражал. Он с девушкой накануне объяснился и сделал предложение, они договорились, что Лескен приедет к ней в соседний райцентр, познакомится с ее мамой, с сестрами и зятями и договорится о свадьбе, если получит их благословение. У казахов бытует вторая версия женитьбы, кроме свадьбы, ускоренная, без сватовства, когда приглашают домой девушку в гости, тут же собирают родню, снохи жениха накидывают на голову невесты платок. Если девушка согласна стать женой этого жениха, празднуют свадьбу без родственников невесты, затем с поклоном, извинениями и подарками родственники жени-

ха отправляются к родителям невесты. Обычно, если девушка заранее согласна, такая свадьба проходит без эксцессов. Но бывает, что сторона невесты имела свои планы на судьбу девушки или их не устраивают по каким-либо соображениям кандидатура жениха или его родителей, свадьба может не состояться, невесту забирают ее родственники, иногда дело может приобрести скандальный оборот.

Друзья Лескена не отступали, убеждали его, что пока суд да дело, невеста может передумать, отговорят родичи, найдется более шустрый жених и перехватит девушку, да мало ли что может быть. А тут у него дома находится его мечта, как можно упускать такой момент. Лескен очень не хотел подводить Сабину и ее отца, он просто подставлял их на порицание односельчан, которыми были ближайшие родственники невесты. Сабину обвинят в сговоре и заранее построенном плане, хотя все происходило спонтанно. Но аргументы друзей были заманчивы, ему очень не хотелось расставаться с девушкой.

В это самое время подруги вдвоем были в гостях дома у местной акушерки-гинеколог. Мариям днем уехала домой на попутной машине. Муж врача доводился Сабине дальним родственником, это приглашение тоже имело свои планы на потенциальную невесту. Родной брат хозяйки дома был холостяк, ему уже было где-то лет тридцать. В разгар ужина он и его друг как бы случайно заглянули на огонек к сестре, а тут гости! Ужин затянулся, плавно перешел в тан-

цы, благо всех было по паре. Друг парня делал вид, что усиленно ухаживает за Сабиной, сыпал комплиментами, но девушка поняла, что в его мыслях только отвлечь ее внимание от другой пары. Сабина быстро охладила его пыл, сказав, что она несовершеннолетняя и его действия излишни.

Сабина поторопила подругу, сказала хозяевам, что на улице их уже ждут ее братья, и они откланялись. На улице их встречали Лескен с Болатом. Дорога домой пролегла по горной местности на три километра с подъемами вперемежку со спусками. Была лунная ночь, чистое звездное небо. Все располагало хорошему настроению.

Молодежь бегала, догоняя друг друга, затем пошли неспешно и запели лирические песни композитора Калдаякова, которые были очень популярны, особенно среди сельской молодежи. Сабина рассказала парням об ужине и танцах в гостях, о намерении хозяев познакомить ее подругу с братишкой врача. Ее рассказ, должно быть, вызвал тревогу в душе у Лескена: если не поторопится, то может потерять невесту, ведь приличные, образованные девушки с востребованной профессией встречались нечасто, спрос на них был большой.

Дома их шумно встретила к ужину почти вся семья Лескена: папа Шерали, тетя Дария, братишка Ерик и сестренка Саяша. Отсутствовали только трое младших, которые учились и жили в райцентре в школе-интернате. Собралось за ужином восемь человек. Дом у них небольшой, но тесноту

не ощущали, плотно друг к другу садились за стол и весело, перебивая друг друга, рассказывали, как прошел день.

Вспоминая сейчас о тех днях, Сабина поражалась, почему им было так комфортно в самых обыденных условиях: теснота, недостаток средств, чтобы не сказать бедность, что было явно видно по скромным яствам на обеденном столе. Возможно, всем было хорошо, потому что было родство душ, поддержка и понимание друг друга, любовь и доброта, которые исходили от каждого из них.

Здоровье дяди все ухудшалось, но он старался скрыть день ото дня усиливающуюся головную боль, старался не портить настроение молодежи, вдохновленной ожиданием счастливого будущего для себя.

На следующий день девушкам обещали устроить прощальный ужин, должны были собраться близкие родственники и друзья Лескена. Наступил вечер, подготовка стола шла полным ходом. Пришли помогать снохи, это жены двоюродных братьев, которые жили рядом. Сабина с Асылжан были дома, собирали вещи, так как должны были уехать на следующее утро.

Тут девушку позвали на улицу – показать что-то или еще зачем-то. Она вышла и не поняла, кому она была нужна и зачем, как вдруг начался в доме крик и шум. Сабина почувствовала неладное, устремилась обратно в дом. Ее удержали чьи-то руки в передней комнате, не давая пройти в спальню, где слышался крик ее подруги. Она поняла, что друзья Лес-

кена решили осуществить свой дерзкий план со срочной женитьбой. Асылжан кричала в адрес Сабины, что она не подруга, а предательница, что она все знала и потворствовала мужикам и их коварным планам. Из ее уст пошли проклятья и обвинения, хотя вины Сабины не было. Тут началась истерика и у Сабины, теперь уже она кричала из другой комнаты, что ничего не знала, на чем свет стоит ругала своего брата и его друзей, говорила, что ее папа даст им жару за бессердечный проступок...

Больше всего Сабина пугалась, что она вернется одна домой, что скажет папе, что с ней сделают братья и сестра подруги – да они ее просто прибьют! А что она скажет в больнице хирургу, которого оставила без медсестры, ведь он без нее будет как без рук? Для Сабины как будто мир перевернулся. Только вчера было все отлично, а теперь наступила катастрофа!

Постепенно шум и крики затихли.

Был уже поздний вечер. Собралось много родственников, самовары закипали, резали барана, жарились баурсаки. Стали раздаваться смех и полным ходом начинался праздник в честь образования новой семьи, невесту тоже успокоили, убедили ее, что особой разницы нет в том, как она вышла замуж – сейчас или через полгода, когда договорятся родители. Еще со стороны родственников был аргумент, которым они окончательно убедили невесту: отец жениха при жизни увидит невестку, а сына счастливым – ему оставалось жить

недолго. Асылжан как медик об этом знала.

Это был последний праздник Шерали.

Ему такая сноха была в радость, хорошая хозяйка, приветливая, добрая, еще и медик, не надо вызывать врача на дом — она сама поставит ему уколы и выполнит назначения врача.

На следующий день подруги помирились, Асылжан поняла, что Сабина не знала о планах друзей Лескена. Еще через день прибыли воинственно настроенные родственники Асылжан, они были вооружены камчами и палками, разносили все, что им попадало под ноги. Домой они не прошли — родственники и друзья жениха остановили их, объяснили, что никто силой не держит девушку и что она была согласна выйти замуж.

Позвали невесту во двор, где толпа стояла полукругом, Асылжан подтвердила, что все было с ее согласия, что она остается здесь и домой не вернется. Гонцы уехали без девушки, законы степей были соблюдены. Но две старшие сестры подруги были настроены отомстить Сабине, они устроили дежурства на автовокзале и в аэропорту, чтобы встретить ее и хотя бы отдубасить.

Через неделю Сабина вернулась на самолете. Уже через окошко увидела на взлетно-посадочной площадке одну из сестер, которая держала новорожденного младенца на руках. С ней был еще парень. Дул очень сильный ветер, он мешал ожидавшим, чуть не срывая головные уборы, а сестре приходилось защищать руками ребенка от ветра.

Сабина быстро прыгнула со ступенек кукурузника на землю и, не мешкая, побежала в другую сторону от ожидавших ее людей. Маневр удался, ей удалось без потерь оторваться от преследователей. Оставалось еще пережить возмущение и недовольство хирурга, но там она не ждала побоев – он просто отругает ее, а она сумеет его убедить в своей невиновности.

Учебный год заканчивался. На носу были выпускные экзамены. Учитель химии, пожилой преподаватель из казахской школы, любил выпить, часто приходил под градусом, уроки вел как попало, если ребята угощали его пивом, он часто отпускал учеников пораньше. У Сабины с ним отношения не очень складывались: она не терпела пьянства, в ее семье не употребляли спиртное.

Ближе к экзаменам этот преподаватель на последнем уроке просил Сабину задержаться, она с удивлением ждала, а он без всякого стеснения ей сказал:

– Передай своему отцу: если хотите, чтобы я на экзамене поставил тебе пятерку, пусть он мне привезет барана.

От удивления Сабина чуть не поперхнулась.

– Вы шутите? – спросила она.

Учитель молча вышел из класса.

Придя домой, Сабина передала слова учителя отцу. Отец долго молчал, только на следующий день, увидя вопрос в глазах дочери, сказал, что его дочь всегда училась без подношений учителям. На следующем уроке химии она переда-

ла слова отца преподавателю, тот только улыбнулся. В душе Сабина решила, что преподаватель подшутил над ее отцом, сказав про барана, как иногда шутят у казахов среди ровестников, поэтому особого значения не придала этой истории. Времени оставалось немного до окончания школы, ей нужно было решать, оставаться в поселке и дальше продолжать работать в больнице или решиться на отъезд в столицу, поступать в вуз. Пора решать свою судьбу.

Опять все упиралось в деньги: на какие средства она будет жить, если поступит в институт? А какую профессию выбрать, куда поступать? Скорее всего, ей нужно будет еще один год поработать здесь, собрать немного денег, а на следующее лето поехать в город и попытаться счастья.

В конце мая приехали два парня из маминых родственников – один из них тот самый Сержан, который тогда считал себя Тарзаном и который в детстве не удержал Сабину на аркане, он же приемный сын маминого брата Адилбая. Сержан сразу стал убеждать Сабину не терять целый год, а поступать в этом году. Он говорил: вместе одолеем нужду, прокормимся и прорвемся, добьемся успехов сообща, имея в виду брата Сабины Атабека.

Они уже оканчивали второй курс университета на разных факультетах. Все держались вместе, помогая друг другу. Мало кому приходили деньги из дома, жили на стипендии и подработки на разгрузке вагонов по вечерам на вокзале. В это лето они все собирались ехать на целину на уборку

урожая, где тоже заработают – на одежду и прочее.

Главным аргументом стало то, что брат Атабек поручил ему убедить Сабину приехать в город. Сам Сержан был очень даже симпатичен, Сабину подкупала его натура – энергичный, огонь в глазах, мечтательность, оптимизм, его позитива хватало, чтобы зажечь веру в будущее и в ней самой. Он был очень убедителен, и Сабина дала слово, что приедет и будет поступать в университет.

В школе экзамены сначала проходили у очников, затем, после их выпускного вечера, начинались у вечерников и заочников. Начало экзаменов у Сабины пришлось на 20 июня. Все предметы, в том числе и химию, она сдала на пять, а вот по истории получилась заминка. Членом экзаменационной комиссии был и учитель химии, он задал Сабине вопросы: первый – почему у них в доме на видном месте в книжном шкафу красуются тома И. В. Сталина, и второй вопрос – как Сабина относится к сталинским репрессиям. Сабину эти вопросы не застали врасплох, она ответила, что ее отец никогда не уберет тома Сталина с книжных полок, потому что уважительно относится к бывшему вождю, признавая решающую роль Сталина в победе над фашизмом в Великой Отечественной войне. На второй вопрос от себя сказала: не Сталин же арестовывал у них в селе людей по доносу своих же односельчан, один человек не может видеть все, что делается в огромной стране, и не может видеть всех перегибов его политики на местах.

Сабину просили выйти и подождать в коридоре решения комиссии. За дверью было слышно, как спорили учителя, в основном это были голоса историка и химика. Сабина любила химию. В девятом классе преподавателем была бессменная учительница химии, всю жизнь проработавшая в этой школе, Аида Михайловна Попова, ее уважали все ученики. Дверь, наконец, открылась, и секретарша показала на пальцах, что ей поставили четыре.

Вот так с приключениями Сабина окончила школу. Ее «вечерние» одноклассники сразу же собрались, стали обсуждать как будут отмечать завершение школы. Мальчиков с ними училось мало, в основном в классе были девушки, две из них – замужние: Валя Морозова – начальник почты, Люда Строганова – домохозяйка с детьми. Зина и Сабина – самые младшие «вечерницы». Командовала парадом больше Валя. Она предложила в воскресенье днем провести выпускной «бал» в горах: там в это время было красиво, запомнится надолго. Горы находились не слишком далеко от поселка, удобных для отдыха мест рядом с ручейками там было много, но девушки не имели возможности часто посещать их, ведь сельская молодежь всегда занята домашними работами, поэтому предложение Вали им понравилось.

Девушки решили основное блюдо приготовить дома, парням останется закупить напитки и продукты по списку, составленному Вале, чтобы обошлось дешевле. Гуся для главного блюда решили поймать в тугаях – это такие по-

что непроходимые заросли кустарников, которые разрослись за их рекой, занимая огромные территории, в них было много живности: когда-то отбившихся от домашней стаи птиц или животных и уже одичавших за долгое время. Строгий муж Люды, которому соответствовала его фамилия – Строганов, особенно ее никуда не отпускал, поэтому добывать гуся отправились втроем: Валя, Зина и Сабина.

Валя планировала приготовить гуся с яблоками в русской печи. Девушки для «охоты» основательно подготовились, взяли самую большую сумку, нож, бельевую веревку, бинты и наволочку. Было бы проще заказать парням поймать гуся, но девушкам было неудобно просить их об этом, этим они как бы толкали их на воровство. Было непросто поймать дикого гусака, девушки выбрали еще не самого маленького, долго гонялись и наконец поймали! Гусака предварительно запихали в наволочку, застегнули на пуговицы, только голову оставили свободной. Сначала хотели отрубить ее ножом, но никто из них на такое не решился. Они оставили эту работу для мужа Вали. Гуся поместили его в сумку, но он не хотел там сидеть, настойчиво подпрыгивал, пытаясь выбраться из сумки и наволочки, пришлось обмотать его лапы веревками, наволочку у шеи замотали бинтами. Наконец удалось закрыть сумку, и девушки по очереди по двое понесли свою добычу домой. До дома идти было далеко: сначала до моста, через мост, затем в обратном направлении по самой центральной улице от начала улицы почти до другого

конца поселка.

Уже вечерело, наступили сумерки. Вдруг Гусак начал шуметь, во все горло гагакать. Пришлось девушкам остановиться, открыть сумку и плотно замотать бинтами клюв. Девушки боялись, что люди подумают, что они увели гуся с чужого двора, сложно было бы доказать, что это ничей гусак, их трофей. Тот и через забинтованный клюв издавал возмущенные рыки. Девушки наконец добрались до Валиного дома, опустили тяжелую сумку на землю – как гора с плеч.

Когда на «балу» вся компания сидела за праздничным столом накрытом на поляне на бревнах и доске, гуся съели в основном парни, у девушек он в горле застревал, на всю жизнь запомнится им этот бесплатный охотничий трофей.

Сабина не чувствовала себя зрелой личностью, когда получала аттестат зрелости. Ей было страшно от решения уехать в город и поступать в институт. Она не могла выбрать себе профессию, которую хотела бы получить, но точно знала, что поступать в медицинский не будет. На это были свои причины: учиться нужно было долго, шесть лет, да еще ее безденежье, но самое главное – она слишком сильно соперничала больным, ей было больно смотреть на тяжелобольных, изувеченных и неизлечимых.

Она помнила, как из последних сил держалась, чтобы не показать свое состояние, когда к ней на прием пришел ветеран войны, которого она знала с детства. Он всегда прихрамывал, опирался на трость, когда ходил. Он пришел сде-

лать снимок коленного сустава, но Сабина не предполагала, что как такового его и не было, потому что нога ниже колена была ампутирована. Она оторопела, внутренне вся сжалась, когда пациент просто и привычно снял часть ноги, то есть снял протез, а у нее перед глазами лежала короткая культя с изуродованным швом на месте коленного сустава.

Мужчина что-то говорил, а Сабина, собрав все свое мужество, достала кассету с рентгеновской пленкой, которую нужно было подложить под культю, взяв в свои руки его ногу, стараясь не потерять сознание, как в тумане, вымученно улыбалась на какую-то его шутку, но проделала все что нужно, включила аппарат, сделала снимок, вернулась к пациенту, сняла его ногу с кассеты и сказала, что тот может одеваться... Еще подняла его протез с пола, подала ему.

Такие случаи были не очень частыми, но запоминались на всю жизнь. Смотреть, как отпиливают палец у женщины из-за панариция, чтобы избежать гангрены, делать укол очень исхудавшему деду, когда иголка не протыкает огрубевшую, почти безжизненную, задубевшую его кожу, под которой уже не было мышц, – все это Сабина слишком близко принимала к сердцу и переживала, ей самой было больно за них.

С медициной все понятно, думала она, хорошо бы выучиться на архитектора, созидать, строить, что может быть лучше? Еще хотела стать юристом, как папа, но профессия строгая, судить людей не хотелось, вот стать бы адвокатом,

чтобы защищать, это было по ней.

Планы планами, а время для подачи документов поджигало, была уже середина лета, документы принимали на очное обучение до первого августа, еще нужно уволиться или взять отпуск.

Жизнь внесла свои коррективы в ее планы. Пришло известие, что дядя Шерали находится в тяжелом состоянии. Родители срочно уехали в Кольбастау, оставили детей на Сабину, а их четверо, возрастом семь, пять, три и год, в общем, разновозрастной детский сад. Родители задержались, потому что дядя умер, очень родной для Сабины человек, дядя, который называл Сабину «свет, медь, золото». «А почему медь?» – спрашивала его Сабина. Он отвечал, что этот металл дорогого стоит, он полезный для человека, что Сабина должна светить и что она ценная и полезная для людей девочка.

Пуля, гулявшая в его черепе, настигла его через семнадцать лет. За это время он вырастил пятерых детей, немного недожил до рождения первой внучки.

С возвращением родителей Сабина спешно уволилась с места работы, собрала необходимые документы для поступления в институт и только в начале августа смогла уехать в город. Она опаздывала, чтобы сдать документы на очное обучение, но будь, что будет, жизнь подскажет, решила она.

С тех пор прошло много лет. Сабина поражалась своей смелости – в таком юном возрасте уехать в столицу, не имея

там никого, кто бы помог обустроиться. Брат Атабек и их общие друзья-студенты разъехались на каникулы, возвратятся только в конце сентября – начале октября.

...Размышления Сабины прервал телефонный звонок. Нужно было возвращаться из воспоминаний в реальное время, ехать домой к внукам, заниматься повседневными делами. Но бремя прошлых лет еще долго держало и не отпускало ее.

Часть вторая: Любовь и семья

Успешная бизнес-леди жила в густонаселенном районе Алма-Аты в обычной квартире на первом этаже. Обстановка в доме ничем не выдавала ее более чем приличное финансовое состояние. Сегодня воскресенье, в ее квартире собрались старший сын с женой и дочкой, вдова ее младшего сына с ее внуком. Было шумно и весело, хотя обычно тут царил тишина и безмолвие, когда дети разъезжались по своим квартирам. Сабина жила со своим бизнес-мужем, так называла она своего сожителя, который в начале ее деятельности в частном предпринимательстве примкнул к ней, стал ее бизнес-партнером. Наверное, ей нужна была опора, которую мог оказать сильный мужчина, крепкое плечо, на которое можно было опереться. В те смутные времена после развала СССР, когда все устои государства рухнули, всем правила анархия, Сабина сама себе разработала план частного страхового бизнеса, открыла фирму. Ей помогли годы работы в разных сферах жизнедеятельности.

Когда дети и внуки ушли и она осталась дом одна, воспоминания снова нахлынули на нее.

...После приезда в город Сабина устроилась на пятна-

дцать дней в общежитии университета, решила не терять год и поступила на вечернее отделение исторического факультета. Правда, не обошлось без приключения. По русской литературе она написала сочинение по произведениям Максима Горького. Когда вывесили списки оценок, она в списке значилась среди написавших на «неуд.». Сабина не поверила своим глазам, она была уверена, что такого быть не может, она обычно не допускала ошибок, тем более что была максимально внимательна, когда писала.

Пошла в приемную комиссию, пришлось написать заявление, чтобы ей показали ее работу. С шумом и спорами, но все же председатель комиссии попросил отыскать несчастное сочинение. Принесли сдвоенные листы титула с фамилиями и отдельные вкладыши с шифрами самого текста сочинения. Сабина торжествовала, потому что вкладыш был не ее. Ошибок точно было достаточно, но это была не ее работа. Скандал разгорался, виноватых нет, а подмена была явная. Сабина не сдавалась, потребовала, чтобы нашли ее работу. Она сама быстро бы отыскала свое сочинение по почерку, но ее к работам не допустили. И все же работа нашлась, в ней были допущены две ошибки по знакам препинания, и то одну Сабина – можно поставить именно этот знак, а не тот, на который переправил проверяющий.

На следующий день отметку ей переправили на хорошо, и она набрала нужные для поступления баллы. Теперь нужно было устраиваться на работу, для этого нужна городская

прописка. Ей снова повезло: отец одного из друзей старшего брата Азамата прописал ее в квартире детского писателя из земляков по улице Мира, 111.

Сабина хотела работать по специальности, прямиком отправилась в Городской отдел здравоохранения, но вакансии рентгенолаборантки не было. Ее поставили в список очередников: как что появится, ей сообщат, но пока предложили поработать на должности медицинского статистика во вновь образовавшемся Республиканском ВТЭК при министерстве социального обеспечения. Штат состоял из четырех человек: трех врачей и статистика. Главная задача республиканской врачебно-трудовой экспертной комиссии была определять, правильно назначена группа инвалидности пациентов областной комиссией, если на нее поступала жалобы.

Сабину снова целиком захватила интересная работа: поступали письма, приезжали инвалиды со всей республики... Документов было очень много, все заседания протоколировались, в общем, работы было невпроворот. Через четыре месяца Сабину вызвали в Городское отделение здравоохранения, предложили место в Первой городской больнице в рентгеновском кабинете, обслуживающем два хирургических отделения. В очереди перед ней два человека отказались из-за большого объема работы. И главное, заведующей рентгеновским кабинетом там была известная в республике кандидат медицинских наук, рентгенолог Елена Михайловна Пурышева, у нее стажировались специалисты всего Казах-

стана. Она слыла строгим человеком с требовательным характером, «может отчихвостить, не выбирая выражений» – так охарактеризовали будущую начальницу кадровики.

Ранее у Пурышевой достаточно много лет работала лаборантка, спокойная, молчаливая, но недавно она погибла в ДТП. Сабина согласилась сразу: она может стерпеть и молчать, если виновата, ей это привычно, главное, что работа по своей специальности. Сабина очень быстро адаптировалась на новом месте. С ней, кроме начальницы, работали врач и санитарка, женщины в возрасте. А Сабине только исполнилось восемнадцать лет, возможно, поэтому старшие коллеги к ней относились почти бережно, мягко, Елена Михайловна называла ее «китайский божок»: здесь же на стене в кабинете висел плакат – китайский ангелочек на белом облаке, такой маленький пупсик. Сабина с восьми утра самостоятельно делала снимки поступившим за ночь травмированным больным, успевала приготовить растворы для пленок, проявить их, закрепить и повесить для сушки. С девяти часов с врачами проводили просвечивания мягких органов, при необходимости на них тоже делали снимки. Затем Елена Михайловна садилась за описание снимков. Работа всегда кипела, скучать не приходилось. Часто приезжали на стажировку врачи, кабинеты не пустовали, всегда былолюдно. Пятичасовой рабочий день у Сабины заканчивался в час дня.

Однажды Елена Михайловна из-за снимка, сделанного Сабиной, вышла из себя. Это был первый и единственный

случай, когда она не смогла сдержаться, а Сабина закрылась в фотолаборатории и сидела тихо как мышь, потому что знала, из-за чего весь шум.

Дело было так: в то утро привезли на снимок молодого парня с переломом бедра, санитары с носилок переложили его на рентгеновский стол и ушли. Сабина сделала один снимок анфас, а второй нужно было сделать в боковой проекции, она попросила молодца повернуться на бок, но осторожно, чтобы бедро с переломом не закрывала вторая нога. По правилам нужно было раздеть больного, даже резинки на белье могли дать небольшую тень на снимке, это могло нарушить четкость костной ткани, но Сабина такого себе не могла даже представить, поэтому решила, пусть что будет. При повороте на бок мужское «хозяйство» парня плавно ложилось прямо на нужное для снимка место на бедре, это было и через белье заметно, Сабина попросила его еще раз лечь на спину, затем медленно повернуться на бок, но картина повторилась. Больной постанывал при этом, ему было больно, поэтому девушка решила немного добавить дозировку рентгена, сделать снимок, авось лучи пройдут через (в ее представлении) мягкую ткань. Она не могла позволить себе сказать, чтобы он руками отодвинул свое хозяйство от головки бедра, чтобы не загораживать нужную кость.

Позже при проявлении пленки Сабина увидела, что она сняла тень, кость было плохо видно. Елена Михайловна кричала ей через закрытую на задвижку дверь:

– Ты что мне сняла, ты мне сняла ***, что я с ним буду делать, я же не вижу кость! – и так далее.

Елена Михайловна стучит, кричит, а Сабина молчит. Наконец женщина взмолилась, обещала не ругать, только чтобы она дверь открыла, а то вдруг со страху еще чего выкинет. Сабина вышла и как на духу призналась, что не смогла все парню сказать напрямую, думала, что рентген пробьет «мясо». Услышав лепет Сабины, начальница начала смеяться и потом еще долго при случае рассказывала эту историю своим стажерам.

Того горемыку молодца она просила еще раз привезти в кабинет, ему тоже досталось от Елены Михайловны, она его спросила:

– Ты что, не мог сообразить, почему тебя девчонка то на спину положит, то просит повернуться и снова повторяет все сначала, ты же взрослый мужик?

Пока врач повторно не сделала снимок и не увезли парня, Сабина не выходила из своей лаборатории и потом почти двадцать дней, пока парень лежал в их отделении, Сабина туда на заглядывала, чтобы не встретить случайно своего больного.

Обучение в вечернем институте шло из рук вон плохо, потому что по ночному городу далеко до дома добираться было опасно, специальность также не была выбрана по душе, просто больше некуда было поступать.

Брат Сабины Атабек и все друзья-студенты вернулись

с сельхозработ в начале октября, приступили к занятиям. Он отыскал недорогую квартиру в районе их любимого парка Горького, правда, квартирой это было назвать трудно: одна просторная комната с маленькой неотапливаемой прихожей, полы земляные, потолки крыты жердями, между ними узкие щели, которые было трудно пробелить – обычная кисть не вмещалась, пульверизаторов не было, белили маленькими кисточками, пол приходилось в две недели раз мазать глиной, чтобы пыль не поднималась, зато было приемлемо по цене. В комнате поместилось четыре кровати, их взяли из числа списанных из общежития университета. Гостей с ночевкой всегда было достаточно, часто поселялся кто-нибудь, нуждавшийся во временном жилье, из числа друзей брата.

Комнату отапливали печкой, которую растапливали дровами и углем, когда на это оставались деньги. Дрова набирали из спиленных старых веток или деревьев в парке, заодно помогали расчищать территорию парка от сухих веток и бурелома. Пищу готовили на печи, в готовке еды все принимали участие, кто только находился у них дома. Все были молодыми, бытовые трудности их не обременяли, то было веселое беззаботное время. Денег хватало лишь на самое необходимое. На все у них была зарплата Сабины с пятнадцатипроцентной надбавкой за вредность и стипендия брата, которая была немного больше студенческой, так как он учился по направлению колхоза, который и оплачивал ему

стипендию. Друзья приходили не с пустыми руками, несли продукты, помогали топить печку и готовить еду.

У брата был закадычный друг, рассказывая Сабине о нем, Атабек все уши ей прожужжал. Это был его однокурсник, отслуживший в армии, серьезный, умный, справедливый, лидер на курсе, так он его характеризовал. Однажды, еще в октябре, когда студенты вернулись на учебу, на улице Сабина с братом встретились с группой парней, брат знакомил девушку с ними, называл имена, но та была не очень внимательна, думая о чем-то своем. Когда студенты отошли, брат ее спросил: «Как тебе мой друг Шакен?» Сабина спросила, который из них Шакен, брат удивился и, кажется, немного обиделся за друга. Пришлось ее еще раз знакомить с другом. В первую встречу она приняла его за корейца – невысокий, с узкими глазами, смуглый от летнего загара.

Студенческая жизнь полна событиями. В актовом зале проходили официальные мероприятия, вечер целинников, праздничные сборы, концерты, вечера отдыха, в общежитии отмечали дни рождения, на все события брат брал с собой Сабину, она стала частью студенческого коллектива его курса. За Сабиной пытались ухаживать многие из однокурсников брата, однако все натывались на ее шуточные отговорки – она симпатизировала Сержану. По воле судьбы они оба родились в одном доме, в доме отца Сабины, в разные годы, но с небольшой разницей, возможно, поэтому их как магнитом тянуло друг к другу.

Сержан был приемным сыном Адилбая, который считался братом Асемай – мамы Сабины, потому что она выросла в семье у его отца, богача Сарсенбая. Родным отцом Сержана был земляк и друг Ильяс, отца Сабины, его звали Жумахан. История рождения Сержана началась в предвоенные годы. Жумахан приехал на партийную работу в райцентр Талдыкурганской области в поселок Капал, в то время там работал судьей Ильяс. У казахов земляки как родственники, всегда помогали и поддерживали друг друга. Ильяс предложил холостяку Жумахану поселиться в свободном домике у него во дворе. В семье родителей Сабины проживала молодая девушка Ажар, тоже из землячек, она работала в школе после окончания педагогического училища. Жумахан и Ажар приглянулись друг другу, поженились, поселились в маленьком домике, но хозяйство вели вместе с родителями Сабины, только спать уходили к себе, а так жили как одна семья.

В начале войны Жумахана призвали в армию, затем он ушел офицером на фронт. В его отсутствие у него родился сын. Чтобы увидеть его, Жумахану удалось вырваться в командировку в тыл, невероятными усилиями ему удалось за сутки приехать в Капал. Сыну Сержану было всего восемь месяцев. Жумахан сажал сына на свою шинель, чтобы малыш пописал на нее, и отец, как талисман, нюхал бы его запах на фронте, но Сержан не исполнил желание отца – не накапал. Дошел старший лейтенант Жумахан Досымбеков почти до Берлина, «16 апреля 1945 года при форсировании

реки Одер был тяжело ранен, уже на берегу скончался. Похоронен на советском воинском кладбище в н. п. Маншнов (Административный район Мэркиш-Одерланд)», так гласит справка из Военного архива. Всего там похоронено 1199 воинов, и только 75 известны поименно.

Став взрослым, его сын поставил на этом кладбище мраморную плиту с именем отца. После гибели мужа мать Сержана уехала в родной поселок к отцу, забрала сына с собой, хотя отец Сабины уговаривал ее оставить малыша ему, обещал, что он вырастит его как родного – у него в конце войны родилась дочка Сабина, ему было нетрудно что одну растить, что двоих. А она молодая, выйдет замуж, тем более что, уезжая после командировки, Жумахан просил Ильяса вырастить его сына, если сам он не вернется с фронта живым, а молодая жена может выходить замуж. Ажар не стала оставлять сына у Ильяса, уехала в родной поселок к родителям, через некоторое время вышла повторно замуж, сына отдала бездетному на то время Адилбаю, который приходился ей дядей. Адилбай усыновил Сержана, вырастил как собственного сына, дал возможность окончить школу и отправил учиться в столицу.

Зима 1962 года почти до новогодних праздников не баловала снегом, на Новый год только чуть припорошило. Сабина радовалась отсутствию сильных морозов – у нее не было теплого пальто и обуви, всю зиму проходила в туфлях, сверху которых натягивала резиновые боты, входя в помещение,

боты снимала и ходила в туфельках. Для нее это было беззаботное время, полное оптимизма, работа ей нравилась, любимый и заботливый брат Атабек был рядом, они были сыты. Однако слишком долго такое время не могло продолжаться, ведь в жизни всегда после довольствия появляются новые заботы, она это нутром чувствовала. Сержан продолжал ревновать ее ко всем друзьям брата, обижался, если ее приглашал кто-нибудь из них в кино.

Однажды она собралась с Шакеном в кинотеатр на новый фильм, на который достать билеты было трудно, якобы поэтому Шакен смог купить только два – и то с рук. На вопрос, кто пойдет с ним, брат сразу сказал: конечно же Сабина, единственная среди них девушка. Обратно часть дороги домой Сабина и Шакен шли пешком. Такой тихий романтический вечер, слегка порошил снег. Шакен внимательно посмотрел в лицо Сабине, сделал рукой движение, будто смахивает что-то, приблизился и чмокнул ее в щеку. Сабина от неожиданности застыла, в голове проносились мысли, что в таких случаях обычно девушка должна дать пощечину парню, что она не давала повода для вольностей с его стороны... Но рука не поднималась ударить друга. Да и за что, думала она. Ее оцепенение затянулось. Не придумав ничего другого, Сабина просто надула губки и замолчала, давая понять, что ее глубоко обидели. Дальше они просто шли и больше не разговаривали.

После этого Сержан начал упрекать ее, что ходит она в ки-

но без разбору с кем, так опрометчиво не должна поступать и так далее. Он говорил как бы с позиции брата, они ведь считаются родственниками по ее маме, но это было мало похоже на претензии брата. Сабина была в догадках: и в любви не смеет объясниться, и как у брата не получается. Танцевать на вечеринках с другими ребятами ей тоже не к лицу, считал Сержан, начинал сердиться, нелестно о них отзываться.

Сержан простудился и попал в больницу, у него обнаружили экссудативный плеврит, довольно серьезное заболевание легких, ему даже дали отсрочку от армии. Он лежал в терапевтическом отделении той же больницы, где работала Сабина, только в другом корпусе. Девушка посещала его довольно часто. Рядом с ним лежал мужчина, врач по профессии, он рассказал Сержану о возможных последствиях работы в рентгенкабинетах, о вреде организму, в том числе о бесплодии, который может развиваться чаще всего в молодом возрасте у девушек. Сержан в категоричной форме запретил Сабине работать в больнице, заявив, что с этой профессией нужно распрощаться. Этим он дал понять ей, что у них может не быть детей. Прямо сказать о своих чувствах, видимо, боялся, а что если она придет в ужас от признания, ведь они брат и сестра, вдруг она так ему ответит. Сабина все понимала, ждала со страхом его признаний, но боялась она совсем по другой причине: ей не хотелось выходить рано замуж, не получив нормальную профессию. Надо было поступить в институт, окончить и только потом выходить замуж.

Перед Новым годом Сержан выписался из больницы. Он жил в общежитии университета, но слишком часто бывал у них дома. В первых числах января у одной из однокурсниц брата был день рождения, проводили его в квартире родственников девушки в доме прямо в центре города, над гастрономом «Столичный». Квартира очень просторная, хорошая планировка, было место для танцев. Сабину пригласил на танец друг ее брата Жарас, серьезный, года на четыре старше нее, видный мужчина из Южного Казахстана. Во время танца он на полном серьезе признался, что мечтает быть всю жизнь с ней, что любит с первой встречи. Он редко бывал у них дома, объяснил это тем, что хотел потушить в себе это чувство, что он очень уважает ее брата Атабека, а потом, он слышал, что его более близкий друг Шакен имеет на нее виды. Но сегодня не сдержался, решил испытать судьбу. Сабине было жалко наносить рану серьезному парню, он ей нравился как человек. Ничего не оставалось, как отшутиться, она сказала: обычаи южан слишком строгие, там носят платки на голове, женщины у них бесправны по сравнению с мужчинами, а Сабина казахский язык плохо знает, не говоря об обычаях и нравах чимкентцев, что она ему не подойдет как жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.